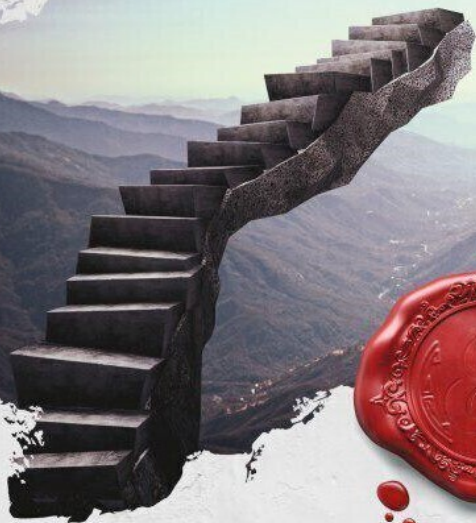

АЛИСА ЛУНИНА

АГЕНТСТВО
ЧУДЕС

В ЦЕНТРЕ
ЦИКЛОНА

Алиса Лунина

В центре циклона

Серия «Агентство чудес», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63321538
В центре циклона:*

Аннотация

Новая серия автора "Агентство чудес" – остросюжетные романы с элементами психологической прозы, детектива и мелодрамы.

Роман "В центре циклона" – вторая книга авторской серии, продолжение романа "Осторожно, меняем судьбы!" В новой книге читатель встретится с уже полюбившимися ему героями: психологом Аей, писателем Егором, танцовщицей Тиной, а также с другими сотрудниками агентства чудес, и с его таинственным владельцем.

...Егор придумывает сценарий "перезагрузки сознания" для Аи с помощью шоковых методов, Данила едет на Урал, где пытается разгадать тайну своего рождения, Агата отправляется в свое последнее путешествие и оказывается на празднике мертвых, миллионер Сергей становится нищим, а Ая встречается с Четвергом в его замке.

Какие тайны таит в себе прошлое Аи, что узнал Егор о убийстве Дины Кайгородской, по какому принципу и с какой целью Четверг отбирал сотрудников для своего странного агентства, а главное, кто скрывается за его маской?

Роман "В центре циклона" – ответы на вопросы, поставленные первым романом серии, и новые загадки и тайны!

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	54
Глава 4	69
Глава 5	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Алиса Лунина

В центре циклона

Часть 1

Ужин с мертвецом

Глава 1

Конец декабря

Москва

До назначенной таинственным владельцем агентства «Четверг» встречи оставалось совсем немного времени, но эта пара часов превратилась для Аи в дурную вечность. Стрелки настенных часов двигались слишком медленно. Глядя на них Ая вспомнила эпиграф из романа Егора Осипова «Час волка» – строки поэта Тракля: «Мы слепые стрелки часов, что взбираются в полночь». Ая и чувствовала себя теперь слепой стрелкой на циферблате судьбы – рок подго-

няет ход времени, символическая полночь все ближе, а после нее может быть что угодно: обрыв, смерть, или, напротив – переход в новое время? Что же – ждать осталось недолго, скоро она это узнает.

Сидя в своей огромной гостиной, поглядывая то на снег за окнами, то на любимую гравюру Дюрера, Ая невольно вспомнила, как два с лишним месяца назад она вот так же сидела напротив этой гравюры и тонула в отчаянии. Единственным возможным выходом ей тогда казалось самоубийство, но от фатального решения ее спас – удержал на краю пропасти, странный телефонный звонок. Непостижимая осведомленность звонившего ей незнакомца о самых страшных событиях ее жизни, вызвала у нее ужас, но как ни странно именно этот страх – сверхсильная эмоция – отвлек ее от суицидальных мыслей. Позже на смену страху пришло яростное желание разгадать тайну владельца агентства «Четверг», узнать, кто скрывается под его маской и откуда он знает о сокровенных страницах ее прошлого.

Последние два месяца – время работы в агентстве, стали для Аи бесконечным испытанием, тем не менее, работа криэйтора казалась ей важной и интересной. Ощущение своей нужности в агентстве придавало Ае сил, наполняло ее жизнь новым смыслом. Первое же дело агентства «Четверг» – история с девушкой Мартой сильно повлияло на саму Аю. Ая изначально проводила параллель между собой и Мартой, также страдавшей от «синдрома отложенной жизни», а потому, ко-

гда Марта в итоге «ожилa», Ая увидела в этой истории некий добрый знак и для себя: возможно когда-нибудь и у нее получится переломить судьбу и открыться навстречу настоящей полнокровной жизни.

С самого начала новая работа захватила Аю – ей постоянно приходилось испытывать себя, ведь от ее профессионализма и опыта теперь зависели жизни людей – героев проекта «Четверг». Ее новая работа требовала от нее предельной концентрации и немалых сил, но как раз это обстоятельство вытесняло ее собственные переживания и заставляло Аю забывать о личных проблемах. История со второй героиней – Агатой также стала для Аи своеобразным экзаменом. Сценарий «психологической помощи» для Агаты, Ая писала с надеждой на то, что у этой истории, несмотря на ее очевидную трагичность, окажется светлый финал (а вот получилось ли у нее помочь Агате, Ая пока не знала, поскольку эта история не была закончена, – путешествие Агаты продолжалось).

Да, как ни странно, но именно в агентстве «Четверг» Ая нашла себя, и вместе с тем, в течение всего времени работы в агентстве ее не покидало чувство, что она ходит по краю пропасти – одно неловкое движение и – поминай, как звали. Без малого три месяца непрерывной игры в кошки-мышки с таинственным владельцем агентства держали Аю в постоянном напряжении. Порой ей казалось, что она совсем близко подобралась к нему, но мистер Четверг тут же показывал ей, что просчитывает ее действия на пару шагов вперед. Ая

знала, что сможет разгадать его тайну, если поймет, по какому принципу Четверг отбирал своих сотрудников, и что объединяет ее столь разных коллег. Что общего у отставного военного Ивана Шевелева, писателя Егора Осипова, химика Варвары Воеводиной, повернутого на компьютерах подростка Кирилла Лиснянского, хитроватого Семена Чеботарева и у нее самой? «Нас всех должно что-то объединять и, если я пойму, что именно – я разгадаю загадку Четверга». Кроме того ее интересовал и другой вопрос: каким образом Четверг и его помощник Кирилл Лиснянский получают информацию о будущих героях агентства?

В результате проведенного расследования она, наконец, получила ответы на свои вопросы, и казалось, решила ребус – вычислила, кто скрывается под маской незнакомца, называющего себя Четвергом, однако в этой тщательно проработанной версии кое-что не сходилось – так, самую малость – человек, являвшийся согласно логике проведенного ею расследования, владельцем агентства, был... мертв (во всяком случае, его трагическую смерть, случившуюся пять лет назад, подтверждали многочисленные свидетели). Оказавшись в логическом тупике и решив пойти ва-банк, Ая написала своему боссу письмо по внутренней служебной почте, в котором прямо назвала его по имени. Ответ пришел быстро: «Четверг» прислал ей письмо с приглашением отужинать в его загородном доме.

И вот сегодня она встретится с ним и узнает, ошиблась ли

она в своем расследовании или оказалась права (и это будет означать, что мертвецы иногда возвращаются, чтобы тревожить живых).

Ая взглянула на часы – пора было отправляться на встречу. На минуту она задержалась и раскрыла лежавший на столе роман Егора: ну, погадаем? Рукопись раскрылась на середине, и Ая прочла: «То, что должно претерпеть, неотвратимо; того, что должно случиться по воле божества, не в силах отворотить человек». Ая закрыла книгу – что ж, она готова мужественно, как героини античных трагедий, взглянуть в лицо судьбе.

Перед тем как уйти из дома, она, повинуясь инстинктивному порыву, повесила на шею серебряный стилет на цепочке, который всегда брала с собой, отправляясь по вечерам на прогулку в парк. Ая понимала, что нож едва ли защитит ее от серьезной опасности, однако с ним ей было спокойнее. «Правда, говорят, для мертвецов нужна серебряная пуля, – усмехнулась Ая, – или... осиновый кол?!»

Чувство опасности леденило, как сталь на шее, и никогда еще оно не было таким острым, как в этот вечер.

* * *

Конец декабря

Москва

Работа над романом застопорилась. Увязнув в третьей главе, Егор вернулся к первой – к самому началу истории, чтобы понять, что он сделал не так и почему он больше не может писать. Но перечитав первую главу – своеобразную хронику недавних событий своей жизни, развернутую от начала октябрьских дней, когда он сходил с ума из-за неудачи с публикацией романа, до встречи с мистером Иксом в необычном «космическом доме», Егор отложил роман. Он вдруг почувствовал, что словно бы вернулся в тот день: комната, переполненная незнакомыми людьми, среди которых выделялась странная девушка редкой красоты с редким именем; вещающий с экрана незнакомец, его безумное предложение...

В тот день, принимая предложение таинственного хозяина дома поработать в агентстве «Четверг», Егор даже не мог предположить, насколько сильно это изменит и его самого и

его жизнь. Да, поначалу – к чему скрывать?! – он согласился стать криэйтором «Четверга», исходя из собственных эгоистичных мотивов. Рассчитывая получить уникальный материал для будущей книги, Егор и своих коллег по фантастическому проекту «Четверг» и «героев» агентства, для которых ему приходилось придумывать «сценарии перезагрузки сознания», рассматривал преимущественно как рабочий материал – как занятых персонажей ненаписанного пока романа.

Вот и главной героиней своей будущей книги – Аей Кайгородской Егор вначале увлекся как неким литературным образом – такой занятой куклой. Тем более, что кукла и в самом деле оказалась необычной – писатель Осипов и сам бы лучше не выдумал: красавица, умница, да еще с таким вывертом, чертовщинкой, тайной, что Егора порой это даже пугало. Такую куклу хотелось разглядывать, разгадывать и, в конце концов – он возжелал забрать ее в свою коллекцию для безраздельного владения. Это поначалу писатель Осипов – самонадеянный идиот, возомнивший себя кукловодом, считал, что он сумеет сохранить независимость и сможет наблюдать за интересной героиней с безопасного расстояния, не сближаясь с ней; однако в какой-то миг произошло нечто незапланированное: кукла сорвалась с нити, ожила, вырвалась из под его власти, да мало того! – разбила ему сердце.

Ая Кайгородская заставила Егора увидеть в ней живую женщину – сложную, противоречивую, страдающую, несо-

вершенную, и вместе с тем, прекрасную. Она ворвалась в его жизнь вихрем, разметавшим страницы придуманной книги, и дала Егору понять, что жизнь всегда больше литературы. Любовь к этой женщине вытеснила прочие смыслы и творческие амбиции, единственное, чего отныне хотел Егор – помочь Ае, спасти ее; а остальное имело для него лишь второстепенное значение – все, даже этот роман. Поэтому-то он теперь и не мог писать свою книгу, безнадежно застряв в пространстве третьей главы (да и можно ли собраться, настроиться на работу, если в голове сейчас одна мысль: где сейчас Ая, что с ней?)

После их вчерашнего разговора и сообщения Аи об ее предстоящей встрече с владельцем агентства, Егор не находил себе места. Бессчетное количество раз за сегодняшний день он набирал номер Аи, чтобы упросить ее разрешить ему отправиться на встречу с Четвергом вместе с ней, но Ая не отвечала на его звонки. К вечеру, отчаявшись дозвониться, Егор забросил роман и поехал к Ае домой.

Уже два часа он бродил возле дома Аи, всматриваясь и вслушиваясь в темноту ее окон, и, понимая, что она отправилась на встречу с Четвергом, сходил с ума от волнения.

Еще один круг возле дома... Снег клубился, вихрился метелью. Руки и ноги предательски заledenели, но Егор оставался на своем посту – ждал Аю. Если бы он знал, где находится дом Четверга, то немедленно рванул бы туда, сразился

хоть с тысячей драконов, чтобы защитить Аю, а так, все, что ему сейчас оставалось – только глупо и бестолково метаться в метели. Все-таки удивительно, как легко, когда ты влюблен, в одночасье потерять свободу, стать уязвимым, слабым, впасть в зависимость от расположения, прихоти, благополучия любимой женщины. Вот он стоит здесь и как мальчишка дожидается ее, переживает: где она, что с ней... Сущее наказание. Недаром древние греки считали любовь наказанием, любовь была для них чем-то сродни болезни, беды, утраты свободы – наложенным на человека проклятием. Он никогда прежде так не любил. Да и любил ли он кого-то, кроме Аи? Егор подумал о бывшей жене – а что он испытывал к ней, что связывало их? Разве что страсть, чистая физиология. Он и имени ее сейчас не вспомнит, потому что все женские имена теперь свелись лишь к двум буквам А – Я. И нет других имен, нет других женщин. Сейчас он понимает, что вся его прошлая жизнь, прежние любовные связи, открытия, потрясения, книги – да, даже книги, были лишь прелюдией к этой любви. И в такой отчаянной зависимости от другого человека и в самом деле было что-то пугающее.

Наматывая круги рядом с домом Аи Егор невольно вспомнил бедняжку Тину, которая часами могла дожидаться его под дверью, как преданная собачонка (а у него ее преданность не вызывала ничего, кроме досады и раздражения) и вздохнул: должно быть, ирония мироздания заключается в том, что рано или поздно каждый окажется в шкуре другого.

* * *

Конец декабря

Москва

Услышав вопрос Кирилла, спросившего, как ее дела, Тина лишь грустно пожала плечами: ну какие дела, Кир, какие дела могут быть у человека, когда он любит кого-то без всякой взаимности, и даже – надежды на взаимность?! Так – сплошные любовные переживания!

Кирилл понимающе улыбнулся, – ничего не зная о любовных переживаниях, он давно понял, что в этой жизни по определению нет трех вещей: взаимности, гармонии и справедливости. А что есть?

– Есть только выбор между ужасным и невыносимо ужасным, – попытался утешить подругу Кирилл. Он – то вообще считал, что этот мир не имеет права на существование. Да, вот так – ни больше – ни меньше.

От такой неуклюжей попытки утешения Тина чуть не взвыла: да ладно, Кир, перестань, в мире много хорошего!

Нет, и «любовные переживания» не могли ввергнуть

неисправимую оптимистку Тину Скворцову в уныние. Тем более, что Тина искренне верила в философию «маленьких радостей» и считала, что даже если в какой-то определенный период ты лишен большого глобального счастья, в жизни всегда найдется место маленьким радостям, которые в сумме потянут на вполне себе полноценное счастье. Столь полярные жизненные философии, как у Кирилла и Тины, плохо сочетались друг с другом, однако сей факт никак не влиял на дружбу доморощенных философов, и не препятствовал ей.

– Ну и что есть твои «маленькие радости»? – усмехнулся Кирилл.

Тина подмигнула ему зеленым глазом и, раскрыв сумку – необъятный, расшитый цветочками, баул, принялась перечислять: – Новая книга Роулинг, между прочим, подарочное издание «Волшебных миров», блины и имбирное печенье, которые я испекла сама, жаркое, соленые огурцы моей мамы с фирменным хрустом, инжировый джем и твой любимый коллекционный чай!

Кирилл, по-прежнему отказывающий этому миру в праве на существование, все-таки не смог остаться равнодушным и обрадовался. Да, обрадовался, и конкретно в этот миг вполне с миром примирился. А просто Тина Скворцова сама по себе была чистой неразведенной радостью; как всегда с ее приходом технократичное пространство ЦУПА наполнилось жизнью, уютом, смехом.

Кирилл был благодарен Тине и за подарки, и за то, что она

вообще зашла сегодня в офис (сегодняшний день в агентстве был выходным, и Тина пришла специально, чтобы провести их с Лисом). Поблагодарив ее, он смущенно вздохнул: сколько подарков она ему принесла, а у него для нее только один, к тому же весьма необычный – понравится ли? Кирилл протянул подруге диск с компьютерной игрой, которую недавно придумал.

Главную героиню своей игры Кирилл назвал Тиной и сделал ее в точности похожей на Тину, а верным помощником анимированной Тины в игре стал мультяшный рыжий кот Лис. Девушка с котом сражались со злыми силами вселенной, то побеждая их, то терпя от них поражение. С точки зрения разработчика игра получилась яркой и увлекательной, и вероятно, ее даже можно было бы неплохо продать, но Кирилл сразу решил, что об этой игре будут знать только они с Тиной.

Правда, еще один человек все же узнал о ее существовании. Недавно, во время очередного сеанса связи с владельцем агентства, Кирилл к немалому своему удивлению, услышал от мистера Четверга, что тому понравилась игра с рыжей девушкой. «Четверг» даже предложил запустить ее в массовое производство, но Кирилл наотрез отказался. Тогда «Четверг» попросил его создать другую компьютерную игру, с другой девушкой, и вскоре прислал фотографию главной героини, в которой Кирилл узнал психологиню агентства – Аю Кайгородскую. Согласно идее мистера Четверга на всем про-

тяжении игры темноволосая, похожая на мальчика девушка Ая должна была разгадывать странный квест, и цена вопроса в этой игре была ее жизнь. По сценарию до самого финала оставалось неясным, удастся ли анимированной Ае добратся до таинственной башни, в которой скрывается ее противник. Получив задание от босса, Кирилл со вчерашнего дня начал разрабатывать новую игру с Аей Кайгородской в главной роли, ну а игровую версию с рыжей девушкой он оставил для себя и Тины.

Увидев на экране свое изображение, Тина онемела.

– Ну да, это – ты, а это – Лис! – улыбнулся Кирилл.

И без того большие глаза Тины стали круглыми от изумления: – А в чем смысл игры?

Кирилл терпеливо объяснил, что суть любой игры в том, чтобы преодолеть все препятствия и ловушки, победить темные силы, и выйти на сторону света. Битый час Тина вместе со своим компьютерным двойником преодолевала многочисленные препятствия и, наконец, дошла до финала. Сила зла были посрамлены, добро восторжествовало – Тина осталась в полном восторге от подарка Кирилла.

...Кирилл разлил по чашкам ароматный чай, поставил на стол корзинку с имбирным печеньем. Заметив, что на каждой печенюшке что-то написано, Кирилл вытащил одну и удивленно прочел: – Чудо?!

– Это специальное имбирное печенье с новогодними по-

желаниями, – вздохнула Тина, – каждую печенюшку я расписала глазурью. Понимаешь, сначала я хотела поставить корзинку на кухне у нас в офисе, чтобы каждому досталось персональное новогоднее пожелание, а потом поняла, что это никому не нужно. Удивительные люди наши коллеги, правда? Даром, что работают в агентстве чудес, а в чудеса не верят... А тебе, Кир, выпало чудо?! Это здорово! Значит, в новом году тебя непременно ждет чудо!

Кирилл по-доброму усмехнулся: странная она, эта рыжая чудаковатая Тина – искренне верит, что реальность можно изменить даже без волшебной поттеровской палочки – просто силой любви и добра. Эх, если бы это действительно было так! И если бы мир переполняли такие веселые рыжие девушки и рыжие коты, похожие на Лиса – это была бы его лучшая версия. Да. Прекрасный, гармоничный, оранжевый мир! Что до него самого, то он, разумеется, не столь наивен, как Тина, и понимает, что без всемогущей волшебной палочки – карающей или исполняющей желания, в этот мир нечего соваться с идеями его переустройства.

За чаем Тина спросила Кирилла, как он собирается провести новогодние каникулы. Кирилл пожал плечами – особых планов у него не было, скорее всего, все дни он проведет в ЦУПЕ, не выходя из своего бункера. Разве что навестит мать... Если, конечно, та не уйдет в запой.

– Ну а ты как проведешь праздники? – Кирилл поспешил перевести разговор на другую тему.

– После Нового года мы с нашим танцевальным шоу толстушек даем концерт, кроме того, в каникулы я иду на две лекции по трансерфингу реальности, ой, ну что ты морщишься? Поверь, это отличные лекции! А еще я хочу навестить Варину сестру Зою в больнице. Да, к Зое съезжу несколько раз. Она там скучает, бедная...

– А что с ней? – осторожно спросил Кирилл. – Я правильно понял, что ее держат в психбольнице?

– Я сама толком не знаю, но чувствую (помнишь, я и раньше тебе говорила, что умею чувствовать некоторые вещи), что в ее прошлом случилась какая-то страшная трагедия, и Зою словно опалило бедой. И от этого Зоя такая... сломанная. Но я верю, что ей можно помочь. Я стараюсь – разговариваю с ней, танцую для нее. Она понимает, отзывается, радуется, когда я прихожу. И все-таки, мне кажется, она скучает по Варе. В прошлый раз она спросила меня, когда вернется Варя, а я не знала, что ей ответить. Кстати, ты не знаешь, когда Варя с Иваном вернутся в Москву?

Кирилл пожал плечами – он знал только, что путешествие Ивана и Вари, сопровождающих подопечную агентства Агату Смолину, продолжается.

Тина вздохнула – она скучала по Варе. Прошло уже много времени с тех пор, как Варя, Иван и Агата, согласно придуманному криэйторами агентства, сценарию, отправились в путешествие. «Как они там?» – с грустью подумала Тина.

* * *

Ноябрь

Мехико

По улице, помахивая тростью, идет скелет в шляпе, из окна выглядывает скелет в красном платье, мимо проносятся стайка подростков, одетых в облегающие костюмы «мертвецов». Мертвые заполонили улицы, весь Мехико в эти дни стал городом мертвых. Мертвые, мертвые, всюду мертвые... Дети предлагают купить прохожим маленькие фигурки скелетов в свадебных костюмах, вечерних платьях, скелеты младенцев, солдат, – скелеты всех полов, профессий и возрастов. На улицах продают сахарные черепа и «маски смерти». Иван кривится, морщится: да что они тут все с ума своротили?! и ведет своих спутниц к отелю.

Неподалеку от входа в отель колоритный старик-мексиканец поет под гитару: разбитое сердце, любовь до гроба – красиво, печально, с надрывом. Варя – химичка прямо застыла глядя на него – лицо у нее такое, что кажется, услышит еще пару аккордов, и разрыдается. А Агата уже плачет. Она часто

плачет. «Ну, это и понятно», – вздыхает Иван.

– Как все странно, – шепчет ему на ухо Варя.

Иван пожимает плечами: да, чего – чего, а странностей в жизни хватает. К примеру, он столько «странного» увидел за последний месяц – с тех пор, как начал работать в агентстве «Четверг», что уже перестал чему-либо удивляться. Сначала его отправили в Париж – присматривать за девушкой Мартой, а теперь он на пару с Варей сопровождает в поездке другую героиню агентства – Агату Смолину. И в первом, и во втором случае Иван воспринял указания криэйторов агентства спокойно (Париж так Париж, морское путешествие на яхте – пусть, не все ли равно?!); в сущности, он так и остался солдатом – ему дали приказ, и он его выполняет, не вдаваясь в детали. Иван не возражал и тогда, когда криэйторы агентства Егор и Ая сообщили ему о том, что путешествие его «группы» начнется в Мексике, а морская часть поездки состоится уже потом. Иван не стал задавать коллегам лишних вопросов, рассудив, что раз психолог Кайгородская сочла, что Агате в ее состоянии будет полезно побывать на мексиканском «празднике мертвых» и увидеть «карнавал смерти» – значит, это зачем-то нужно. А зачем – его не касается. Его дело оберегать Агату в путешествии, и он, не сомневаясь, будет ее охранять.

Разумеется, Иван и раньше слышал об этой экзотической традиции празднования «дня мертвых», видел по ТВ репор-

тажи из Мексики, посвященные празднику мертвецов, но, конечно, он и представить не мог, что когда-нибудь увидит все собственными глазами. Однако же – довелось; вот уже два часа он и его спутницы ходят по Мехико в обществе гида, рассказывающего им про местные обычаи.

Пожилой экскурсовод (съехавшая на бок шляпа, бисерины пота на смуглом, почти коричневом лице), очевидно, изрядно устал, а потому заученно и без эмоций – настоящий «автомат для любопытных туристов» выдает обычный набор информации, скомпилированной из различных источников.

– В День «маленьких ангелов» мексиканцы почитают усопших детей, – бубнит экскурсовод, – а на следующий день – в День мертвых – взрослых...

На лице Вари-химички появляется тень сочувствия, ее явно интересует все, что говорит экскурсионный «автомат»; Агата же, напротив, слушает равнодушно, с каким-то странным выражением безучастности.

– Согласно верованиям ацтеков, после смерти умершие попадают в загробный мир Миктлан, – отработывает свой гонорар экскурсовод, – важно понимать, что для мексиканцев смерть – такой же праздник, как и рождение, в их культуре смерть и есть рождение, просто в ином обличье. В Мексике считается, что раз в год умершие возвращаются в свои дома, чтобы увидеть всех, кого они любили при жизни. В этот день родственники усопших, уставляя свечами путь к дому, чтобы умершим было легче найти дорогу домой.

Кто-то дергает Ивана за рукав рубашки. Обернувшись, он невольно морщится – перед ним стоит старуха в белом саване, сама похожая то ли на смерть, то ли на привидение. На ее покрытом морщинами лице, нарисована «маска смерти». В руках старуха держит длинную восковую свечу. Старуха протягивает ее Ивану и что-то быстро лопочет.

– Что ей нужно? – хрипло спрашивает гида Иван.

Экскурсовод пожимает плечами: – Ну, она говорит, что с помощью этой свечи сегодня ночью вы сможете вызвать дух умершего человека. Зажгите свечу, выставьте ее в окно, и просто ждите – *он* придет к вам...

Иван вздрагивает, как если бы через него пропустили электрический разряд. Он не хочет ничего брать, но старуха буквально всовывает свечу ему в руку. Иван прячет свечу в карман куртки, старуха исчезает в толпе.

Снова монотонное бормотание экскурсовода, рассказывающего о «цветах мертвых» – оранжевых бархатцах, которые на языке индейцев-сапотеков называются *sempasuchil*. Экскурсовод машет рукой по сторонам – смотрите, они теперь повсюду! Эти золотые и оранжевые цветы символизируют душу и солнце, и с их помощью можно устроить алтарь между миром живых и мертвых, нужно просто выложить цветами тропинку, по которой мертвые смогут вернуться в мир живых.

Иван зажмуривается – глаза слепит солнце и оранжевый цвет бархатцев. В воздухе стоит сладковатый цветочный за-

пах, отчасти напоминающий запах тления. Варя куда-то исчезает и вскоре возвращается с огненным букетом. Она держит цветы со значением, как – будто понимает суть здешнего ритуала, потом неожиданно протягивает их Ивану: хочешь? Иван отшатывается – не нужно ни цветов, ни свечей для вызывания мертвых, ни этих ваших сказок! Он чувствует, что устал; все, чего он хочет – оказаться сейчас в номере отеля, где можно включить кондиционер, задвинуть шторы, и закрыться от этого палящего солнца и пестрого безумия.

– На кладбищах сегодня не протолкнуться – всюду пикники и танцы – настоящий праздник! – нарочито бодро сообщает экскурсовод и вдруг тяжело вздыхает, словно бы у него тоже враз иссякли силы.

Иван кивает: полагаю, экскурсию можно считать законченной – и расплачивается с гидом. Экскурсовод поправляет шляпу и плетется к следующей группе туристов; в эти дни в Мехико, как на мед слетелись тысячи охочих до сенсаций туристов со всего мира, и гиды пропускают через их уши местную мифологию, как на конвейере.

Первое, что видят в отеле Иван и его спутницы – пара гробов, которые стоят посреди холла так непринужденно, словно бы это обычная мебель вроде кресел или диванов. Враз побледневшая Агата взирает на них с неподдельным ужасом, Варя-химичка тоже изрядно удивлена. Вскоре выясняется, что гробы в качестве подарка преподнесли семейной чете,

управляющей отелем, их друзья. Хозяева отеля с гордостью демонстрируют гробы постояльцам, – в этот день гроб в Мехико считается отличным подарком. Еще один экзотический знак внимания весьма популярный в Мексике в эти дни – сахарный череп из сахара «Calaveras», хозяйка отеля пытается вручить Агате; когда Агата наотрез отказывается взять подарок, огорченная хозяйка передает его Ивану.

Придя к себе в номер, Иван кладет сахарный череп и свечу на столик рядом с кроватью, устало опускается в кресло и включает телевизор. По всем мексиканским каналам показывают новости о том, где и как празднуют праздник мертвых. В некоторых районах кости усопших достают из могил, чистят их, в глазницы черепа вставляют цветы, а в городских клубах Мехико устраивают вечеринки в честь Дня мертвых. Иван качает головой – да, выглядит это довольно безумно... Впрочем, чего только не бывает в жизни! К примеру, однажды он где-то прочел о некоем ритуале «очищения трупов», принятом на богом забытых островах Тораджи, суть коего заключается в том, что аборигены выкапывают тела своих усопших родственников, переодевают их в чистую одежду и выставляют на обозрение. Такой вот милый местный обычай...

Иван смотрит в окно – на улице темнеет; однако, кажется, что с наступлением вечера веселье только разгорается, мертвецов на улицах становится все больше. Крики, музыка... Иван закрывает окно.

Он чувствует, как тело обволакивает липкая испарина, ему хочется смыть ее прохладной водой. Иван идет в душ и долго стоит под ледяной – до дрожи – водой. Вот так, теперь ему лучше. Сейчас принять снотворное и лечь спать.

Он возвращается в комнату и вздрагивает – на подоконнике стоит горящая свеча. Огонек пламени бьется в темноте и светит на улицу, в город.

Иван бросается к входной двери, открывает ее и видит, что от двери его номера по полу вглубь коридора тянется дорожка из цветов. Оранжевая змейка бархатцев – алтарь между миром живых и мертвых. Иван медленно закрывает дверь. Он обреченно смотрит на свечу и ждет *того самого гостя*.

* * *

Конец декабря

Урал

Прорезая декабрьскую ночь, самолет летел к Уральским горам, в сердце России – на далекий, синий Урал.

Милая стюардесса – хоть сейчас на обложку глянцевого

журнала, приветливо улыбалась Даниле; при иных обстоятельствах Данила непременно отвесил бы девочке пригоршню комплиментов и завязал с ней знакомство, но сейчас ему было не до нее. После недавнего звонка матери (каким непривычно слабым и болезненным показался ему ее голос!), он не мог успокоиться и думал только о том, что с ней сейчас, насколько серьезна ее болезнь. В то время как остальные пассажиры, расправившись с бутербродами, безмятежно дремали, Данила не мог заснуть и не находил себе места. Ему даже казалось, что самолет летит недостаточно быстро. В конце концов, он надел наушники, включил альбом «Нирваны» и уставился в окно. Не можешь спать? Ну, значит, сиди и вспоминай все, что случилось с тобой за последние два месяца. Тем более, ему было что вспомнить и о чем подумать – на пару часов перелета до Урала точно хватит.

События последних месяцев прокручивались в голове, как кинофильм. Отматываем пленку в начало: роковое утро в Таиланде, когда проснувшись утром у себя в квартире, он обнаружил в своей кровати мертвую девушку; появление странных людей, предложивших ему сделку – спасение в обмен на их условия, последовавший за этим крутой вираж судьбы – перемещение в Москву, где ему предложили работу – ну не бред ли?! – в «агентстве чудес»! А дальше странности усиливались в геометрической прогрессии, работенка в агентстве оказалась весьма странноватой, – ему пришлось воплощать в жизнь сценарии перезагрузки созна-

ния для совсем отчаявшихся бедолаг – добро пожаловать в клуб неудачников! При этом и его коллеги по агентству – все, без исключений, оказались довольно необычными персонажами. Порой Даниле казалось, что он попал в безумный фильм. Тем не менее, ему пришлось приспособиться к этим новым реалиям (тем более, что если исповедовать философию экзистенциального пофигизма – многое воспринимается значительно проще), в какой-то миг он даже стал привыкать к своей новой жизни, но сегодняшний звонок матери заставил его все бросить и в тот же вечер рвануть к ней на Урал. И вот – девять тысяч километров над землей, и уральские горы все ближе.

Выйдя из самолета, он тут же ощутил, как в лицо ему ударил крепкий мороз. Данила невольно поежился – отвык я от уральских холодов! и натянул на голову капюшон куртки.

Как странно – всего пара часов лета от Москвы, а получаешь совсем другую версию пространства – холодного, сурового, бескомпромиссного. И люди здесь суровые, вот как этот пожилой дядька-таксист, хмуро предложивший: поедем? Данила улыбнулся: «поедем, только ехать, отец, далеко – в область». Услышав название небольшого областного городка, таксист кивнул: не проблема, довезу.

Черная ночь, звенящий от мороза воздух, окрестные пейзажи: заводы, трубы, домны, казались марсианскими хрониками. Да, давно он здесь не был – лет тринадцать... С тех са-

мых пор, как окончив школу, уехал в Москву. А мать, сколько он ее не видел? Она приезжала к нему в Москву, когда он учился на четвертом курсе, и после этого они больше не встречались. Значит, они не виделись девять лет. Данила вздохнул – его сложно назвать хорошим сыном.

Раздумья Данилы прервал таксист, спросивший, надолго ли его пассажир приехал на Урал. В ответ Данила пробурчал что-то невнятное – он и сам не знал, насколько здесь задержится. Он ничего не планировал, поскольку сейчас все зависело от матери. К тому же, как Данила сегодня понял – что-либо планировать в жизни в принципе бессмысленно. Судите сами – восемь часов назад, потягивая пиво в московской пивной, он и не предполагал, что этой ночью окажется на Урале, однако же он здесь – за бортом старенькой иномарки минус двадцать, а за окнами мелькают все те же марсианские индустриальные пейзажи. Вот и спрашивается: можно ли вообще что-то предполагать в этой жизни?

Заводские пейзажи, наконец, сменились видами провинциального маленького городка: неосвященные улицы, сугробы, невысокие дома. «Все, приехали, спасибо, отец!» – кивнул Данила и щедро, по – столичному, вознаградил водителя.

Данила ринулся к дому своего детства, вошел в подъезд, взбежал на третий этаж, потянулся к кнопке звонка и... замер. Сердце кольнуло недобрым предчувствием. В воздухе стоял запах несчастья. Запах большой беды.

* * *

Конец декабря

Москва

С того самого дня, когда дожидавшегося в лесу верной смерти Семена Чеботарева спасли неизвестные люди и предложили ему работу в агентстве, специализирующемся ни много – ни мало на чудесах, Семен чувствовал себя игроком, вступившим в игру со слишком мудрёными правилами, и с передёргивающими карты партнёрами. За два месяца работы в агентстве он так и не понял ни против кого он играет, ни каковы ставки в этой игре. Не сказать, что Семену нравилось такое положение дел, но поскольку выбора у него не было, ему приходилось играть дальше. В одной команде с другими сотрудниками агентства.

Вот уже несколько дней Семен Чеботарев, согласно придуманному криэйторами агентства сценарию «Принц и нищий», вел наблюдение за неким Сергеем Рубановым – простым русским миллионером, заскучавшим от своей обеспеченной, предсказуемой жизни до степени готовности поме-

няться ею с последним нищим. Собственно, именно такого рода метаморфозу «из принца в нищие» криэйторы агентства и сочли спасительной для Сергея. Роль же Семена в предстоящем сценарии перезагрузки сознания Рубанова заключалась в подготовке предстоящей «операции».

...Семен наблюдал за «объектом», фиксируя его привычки, распорядок дня, круг общения; ни малейшей симпатии к своему подопечному Семен при этом не испытывал и про себя называл пресыщенного жизнью скучающего миллионера едким словом «зажравшийся». «Ну зажрался товарищ, бывает, надо просто немного его поучить, показать, что за пределами Садового кольца бывает и другая жизнь, – рассуждал Семен, дожидаясь Рубанова у его офиса, – глядишь, мужик раскроет глаза на реальность и перестанет дурить».

Рубанов, наконец, вышел из офисного здания и пошел к дорогой машине. Кашемировое пальто, кейс, и на лице особенное выражение – вселенской скуки.

«Ну-ну, – хмыкнул Семен, провожая «объект» глазами, – поскучай еще немного, скоро тебе будет не до скуки».

* * *

Конец декабря

Москва

А в это время в странном «космическом доме», глядя на множество включенных мониторов, человек, называвший себя Четвергом, наблюдал за своими героями. На одном из экранов красавица Ая старательно морщила лобик, пытаясь разгадать придуманный им квест; следующий экран показывал задумчивого писателя Осипова, склонившегося над печатной машинкой, на экране другого монитора безмятежно болтали в ЦУПЕ рыжая девушка и худой подросток в очках. Мистер Четверг видел Кирилла и Тину, застывшего от предчувствия страшной беды перед дверью материнской квартиры Данилу Сумарокова, и страдающего от невыносимого чувства вины и призраков прошлого Ивана Шевелева.

«Что же — спектакль продолжается, — усмехнулся Четверг, — до финального занавеса далеко, в этой истории еще многое произойдет: кому-то предстоит выйти на сцену и сыграть главную роль, а кому-то суждено ее покинуть. Все толь-

ко начинается, мы сыграли первый акт нашего спектакля, начинаем второй».

Глава 2

Конец декабря

Москва

Вдохновенно, забыв обо всем на свете, Тина вместе со своим виртуальным двойником сражалась в придуманную Кириллом игру – ускользала от врагов, рисковала, зависала над пропастью, сражалась со злом, но вдруг... На этот раз девушка на экране не смогла избежать опасности – она и ее верный спутник – огненный кот Лис попали в смертельную ловушку. Увидев, как герои умирают, Тина обмерла: неужели это конец? и в ту же секунду поняла, что экранные Тина и Лис погибли. Девушка сжалась от боли, по ее лицу покатались крупные слезы.

Кирилл поспешил утешить подругу: – Ну что ты, это всего лишь игра! Да и наша версия мира – всего лишь одна из тысяч возможных!

Тина глотала слезы – в этой версии мира ее горе было беспределельно.

– Тина, – вздохнул Кирилл, – просто представь, что здесь

и сейчас разворачивается только один из возможных вариантов событий, а на самом деле их тьма тьмущая. Где-то в одной из мульти вселенных рыжая Тина сейчас танцует, радуется жизни, и ее судьба складывается не так, как здесь. А в другой версии вселенной – все иначе, может, та Тина вообще не любит танцевать, у нее не рыжие, а малиновые волосы, и она обо мне знать не знает. И этих вселенных, как тропок в дремучем саду – офигенное множество, Тина, выбирай любую!

Тина перестала реветь и с недоверием посмотрела на Кирилла: скажешь тоже?!

– Точняк, – кивнул Кирилл, – так и есть. К тому же из квантового опыта мы знаем, что именно разум может создавать реальность, и в этом смысле вселенная – ментальная конструкция. Знаешь, один умный дядька-физик сказал, что вселенная больше похожа на великую мысль, нежели на гигантский супер механизм, и что-то становится реальным, лишь становясь объектом нашего внимания. Короче говоря, это мы сами объективируем реальность, секаешь?

– Ну видишь, я же говорила, что реальностью можно управлять! – вскинулась Тина.

Кирилл огорчился, потому что Тина «усекла» его мысль неправильно, сведя все к своему излюбленному трансерфингу, и с досадой помотал головой: – Нет, не управлять, я имел в виду другое...

Тина махнула рукой – разве ей разобраться в этой слож-

ной физике?! Переведя взгляд на экран монитора, она всхлипнула: все-таки ей было жаль свою экранную сестру и Лиса.

– Не расстраивайся! – взмолился Кирилл. Отчаявшись утешить Тину, он решил сегодня же переписать версию игры с тем, чтобы сделать ее проще.

Увы, – он не мог переустроить вселенную так, чтобы исключить из нее боль и страдания, но он мог хотя бы переделать эту конкретную игру, сделать так, чтобы в самом опасном месте компьютерной Тине стало чуть легче – дать ей больше шансов на выигрыш.

– А смерть? – вдруг тихо спросила Тина. – Что ты думаешь о смерти?

Кирилл растерялся – вопрос застал его врасплох. В конце концов, кто знает о смерти что-то определенное? Лично он предпочитал верить в то, что сознание в нашей бесконечной мультивселенной не умирает вместе с физической оболочкой – телом, а переходит после смерти в параллельный мир – на новый этап развития.

– Я думаю, что смерти вообще нет, – улыбнулся Кирилл, – на самом деле мы верим в смерть, потому что нас заставили в нее поверить, внушили нам эту мысль. Вот мы и считаем, что с отмиранием нашей физической оболочки для нас все заканчивается, но это не так – умерев, мы просто перейдем в параллельный мир.

Тина покачала головой: красивые теории, параллельные

миры, и все-таки жизнь — одна, и... смерть — одна.

* * *

Ноябрь

Мехико

Впервые Агата задумалась о смерти в пять лет, когда умерла ее бабушка. Бабушкина смерть была внезапной, по крайней мере, для Агаты: вот только что она гостила у бабушки на выходных (пирог с капустой, подарки, сказки на ночь для любимой внучки) и вдруг «бабушки больше нет». Агата даже сначала не поверила, что так вообще бывает — что кого-то родного, близкого вдруг может не стать; внезапно не стать — так быстро, что ты к этому не успеешь подготовиться. Не стать папы. И мамы. И кота Буси. И целого мира. И ее самой. Нет, поверить в это невозможно. Ей казалось, что это какая-то злая сказка, в которой с ее бабушкой случилось что-то недоброе, но при этом бабушку, конечно же, можно спасти, как и делают в сказках — окропить ее мертвой водой, а потом живой, и смерть отступит, потому что в сказках смерть всегда отступает перед сильными и умными героями.

Чтобы узнать, где же взять эту живую и мертвую воду, Агата стала лихорадочно (нужно успеть!) изучать толстенный, подаренный бабушкой, сборник сказок – там – то должны рассказать, где можно добыть волшебной воды?! Она ли- стала страницу за страницей – всю ночь накануне похорон, потом продолжила искать «оживляющую воду» днем, когда родители уехали на кладбище (на похороны бабушки Агату не взяли – родители сочли, что лучше избавить ребенка от стресса). Сказка за сказкой – где же рецепт спасения?! К ве- черу, так и не найдя рецепта и не поняв, как отменить ба- бушкину смерть, Агата расплакалась; впрочем, она и тогда не поверила в то, что бабушка умерла.

На следующий день Агата сбежала из детского сада и по- неслась в любимый бабушкин двор. Старый дом, заросли си- рени, обшарпанная парадная, второй этаж – изо всех сил мо- лотить кулаками в дверь! Сейчас бабушка откроет! Так было всегда – сначала за дверью раздавались шаги, потом распахи- валась дверь, и радостная бабушка бросалась навстречу Ага- те, бормоча: давай же быстрее, пирог остывает! и вот уже по- звякивали чашки, и по квартире тянулся вкуснейший сдоб- ный запах.

Теперь за этой дверью была тишина. И пустота. Агата дол- го стучала, потом стала кричать – в квартире было тихо и пу- сто. Смерть – это когда тихо и пусто, – поняла Агата и отча- янно разревелась под бабушкиной дверью. В тот день она по- няла, что в любой миг может стать «тихо и пусто» и для нее,

и для мамы с папой, и для кота Буси, и никакая волшебная вода от этого не поможет. Все могут умереть. И она может. И когда Агата это поняла, она испытала такой ужас, словно бы провалилась в черную яму – без дна. Да, у охватившего ее ужаса не было дна – падай и падай – бесконечная бездна.

Родители, узнав о ее переживаниях, постарались утешить дочь, как могли: надарили подарков, повезли к морю, а главное, заверили, что они никогда ее не оставят. «Клянетесь?» – уточнила Агата. Родители обещали, что всегда будут с ней. Такое же обещание Агата взяла с кота Буси: «котя, ты ведь никогда не умрешь?» Кот заурчал, свернулся клубком у нее на коленях – нет, умирать он не собирался.

И постепенно Агата успокоилась – смерть отступила. А потом стал умирать Буся. Он умирал долго – полгода старый кот угасал, проваливаясь в смерть: перестал есть, исхудал, его шерстка поблекла, а в глазах застыла такая тоска, что Агата боялась в них заглядывать. Кота возили к ветеринарам, пытались лечить – не помогало, Буся попросту был стар – кончался его звериный век. Двенадцатилетняя Агата садилась рядом с ним, обнимала его и шептала – просила, чтобы кот выздоровел. «Не уходи, Буся, не бросай меня, помнишь, ты обещал». Кот смотрел на нее, тоска из глаз сочилась слезами (Агата точно их видела) – он просил у нее прощения за невыполненное обещание, и прощался. В день, когда умер Буся, Агата перестала разговаривать – замолчала. Ее снова обступили тишина и пустота.

Взволнованным родителям врачи говорили, что молчание девочки – «реакция на сильный стресс», и что со временем это пройдет. И точно – через месяц Агата заговорила, постепенно возвращаясь к обычной жизни. В юности ведь жизнь такая полнокровная, что о смерти некогда думать – в ненасытной жажде юность стремится высосать из жизни «весь ее спинной мозг». Юная Агата жила, влюблялась, спешила совершать ошибки, опьянялась, разочаровывалась – надо спешить жить! При этом за спиной она всегда чувствовала надежный тыл – родительскую поддержку. Родители – великая сила родительской любви – позволяли ей оставаться ребенком, даже когда она уже стала взрослой женщиной.

Все изменилось после их смерти, – она вмиг осиротела и повзрослела. Из этой пустоты и оглушающей мертвой тишины было очень сложно – практически невозможно выбрать-ся. Кто – то верно сказал, что наши родители, пока они живы, словно бы стоят на краю бездны и защищают нас от смерти, а когда они умирают, мы оказываемся беззащитны. Похоронив родителей, Агата долго жила с ощущением вот этой открытой, распахнутой бездны. Но жизнь вновь постепенно взяла свое: замужество, рождение сына, карьера – пустота заполнялась. Агата надолго – на годы – забыла о смерти. Но месяц назад, когда Агата узнала свой диагноз, смерть вышла откуда-то из темноты и предъявила на нее права: «ты – то обо мне не вспоминала, а я всегда была рядом!» Что-то черное, злое тянуло к Агате руки, стараясь утащить ее за собой

– в абсолютную пустоту.

Отчаяние, страх боли и смерти были настолько сильны, что Агата, скорее всего, покончила бы с собой, не дожидаясь мига, когда ее убьет болезнь, если бы вдруг, невесть откуда не появились странные люди из странного агентства, предложившие ей исполнить ее заветную мечту о настоящем морском путешествии. Отчаявшаяся Агата приняла их предложение, решила на безумную авантюру и отправилась в путешествие со своими попутчиками Иваном и Варей, однако вместо моря ее зачем-то привезли сюда, в Мексику, на праздник мертвых.

...С самого начала все происходящее здесь шокировало Агату и казалось ей омерзительным. Наблюдая повсеместный нелепый маскарад, Агата чувствовала сильнейшее раздражение: «ну что эти люди знают о смерти?! Устроили пляски на костях, играют дурной, пошлый спектакль!». Ее, считавшую смерть чем-то сакральным, исполненным ужаса и трагизма, оскорбляла такая опереточная игра в смерть. Ей не хотелось покидать отель и выходить на улицу – она не желала вливаться в этот безумный карнавал, не желала не то, что разделять, а и просто видеть всеобщее ликование и радость. Но даже в отеле было невыносимо, безумие просачивалось и сюда; посреди гостиничного холла стояли два гроба, подаренные хозяевам их друзьями, а стены «украшали» плакаты с объявлениями об экскурсионных турах на кладбища.

К вечеру первого дня в Мехико Агата почувствовала та-

кую усталость и растерянность, что заперлась в своем номере и твердо решила не выходить в город вплоть до самого отъезда из Мексики. Она лежала на кровати и давилась слезами, когда в дверь постучали.

На пороге стояла Варя. Улыбаясь, Варя предложила Агате поехать на кладбище вместе с хозяевами отеля. «Нас приглашают на большой праздник, едем?»

Агата вздрогнула, но почему-то сказала: да.

* * *

Ноябрь

Мехико

Зажженная неизвестно кем свеча мерцала на подоконнике; на вечерний Мехико наступали сумерки. Иван подошел к окну и увидел, как прямо под окнами отеля танцуют два скелета – он и она; страстно прижимаются друг к другу, целуются, изображая этакое «танго смерти». «Вот ведь – другая культура и совсем другое отношение к смерти, – усмехнулся Иван, – своеобразная местная экзотика. Но разве меня можно удивить, а тем более, напугать экзотикой?!» Уж

он — то с лихвой навидался и экзотических стран, и странных ритуалов в своих военных командировках. Кстати, может, именно из-за военных командировок все южные страны у него теперь ассоциируются с войной и опасностью? И даже сейчас, здесь, в фешенебельном отеле в центре Мехико, он чувствует себя как на войне. Правда, он пока не понял, за что воюет, и за кем будет победа, но то, что это война — дело ясное; именно война, но не та — внешняя, в которой все предельно понятно, где есть враги, цели для поражения, рубежи Родины, которую нужно защищать, а внутренняя — борьба с самим собой и своими страхами, неуверенностью, слабостью — война, где ты и есть свой главный страшный враг.

В этой поездке Ивана не покидало чувство, что судьба сейчас испытывает его на прочность, и что это самое главное испытание в его жизни. Признаться, ему было объективно тяжело со своими спутниками — Агатой и Варей. Мало того, что женщины, так ещё и с какими странностями! С ними ему было тяжелее, чем со своими самыми невыносимыми сослуживцами из предыдущей жизни — а таких там было немало. Особенно нелегко ему приходилось с Агатой. Поначалу он совершенно не понимал, как ему к ней относиться, и как себя с ней вести. Ну как себя вести с человеком, который обречен, которому жить осталось месяц-два?! Он боялся сказать не то, посмотреть не так, а потом махнул рукой: как будет — так будет.

Бывало, кстати — по — всякому. Иногда Агата плакала, по-

рой жаловалась на физическую боль, временами срывалась на истерики, задавала гневные вопросы. Сегодня, к примеру, Агата спросила его «зачем мы здесь?!», имея в виду, что на ее мечту о морском путешествии эта мексиканская экзотика никак не похожа. Иван вздохнул: что он ей мог ответить? Что поездка в Мексику – часть сценария, придуманного для нее криэйторами агентства, а он – всего лишь солдат, выполняющий их приказы?!

...Простодушный солдат Иван Шевелев не знал, что криэйторы агентства «Четверг» придумали сценарий не только для Агаты, но и для него самого.

* * *

Незадолго до описываемых в Мексике событий

Москва. Офис агентства «Четверг»

Несмотря на то, что сценарий помощи Агате Смолиной был продуман и выверен, включая все организационные моменты ее будущего путешествия, Ае казалось, что в нем не хватает чего-то важного. В очередной раз, просматривая вместе с Егором, составленную и согласованную маршрут-

ную карту путешествия Агаты, Ая не выдержала и обратилась к напарнику:

– Давай немного изменим наш план? Пусть перед морским путешествием по Карибам наши герои посетят Мексику?!

Лицо Егора вытянулось: это называется «немного изменить план?» А с чего вдруг? И почему Мексика?!

– В ноябре в Мехико пройдет праздник мертвых, и Агата должна его увидеть! – заявила Ая.

Егор недоуменно пожал плечами, не понимая логики Аи. Разумеется, он знал про экзотические традиции празднования «дня мертвых» в Мексике, – вот и в недавнем фильме про Джеймса Бонда его герои оживлённо перестреливались под пляски маскарадных скелетов, но во всём этом был явный перебор в латиноамериканском вкусе, и Егор не мог взять в толк, зачем их героине нужна такая театральщина.

Понимая, что ей нужно убедительно обосновать новую идею, поскольку без согласия Егора – второго криэйтора агентства, она не могла внести в сценарий изменения, Ая попробовала объяснить Егору свое видение ситуации.

– Понимаешь, главная проблема нашей героини заключается даже не столько в болезни, сколько в самом отношении Агаты к смерти. Для Агаты мысль о предстоящей смерти невыносима, что соответствует психологии человека европейской культуры, ведь в западной традиции смерть воспринимается как нечто глубоко трагическое и страшное, в опре-

деленном смысле ее считают неким наказанием или приговором. При этом в других культурах существует и иное отношение к ней. Ну вот в большинстве восточных традиций смерть понимается, как некий неизбежный переход в другое состояние, но – чтобы под этим состоянием ни подразумевалось – она не является конечной точкой человеческого пути. Смерть – лишь промежуточная станция в нашем бесконечном путешествии, и мексиканский культ праздника мертвых построен на этой интуиции... – Ая замолчала и взглянула на Егора.

– И к чему ты ведешь? – насмешливо спросил Егор.

– Я считаю, что мы должны показать Агате совершенно иное восприятие смерти, возможно, то, что она увидит в Мехико, поможет ей изменить ее отношение к смерти и к своей болезни. Кстати, речь в этой истории, собственно, идет не только о ней. Вот, взгляни... – Ая протянула Егору бумажную папку.

Увидев на обложке имя Ивана Шевелева, Егор удивился:

– Это касается нашего Ивана?

– Да. Три дня назад Четверг прислал мне материалы на Шевелева, – Ая помахала увесистой папкой, – здесь история Ивана. Видишь ли, Ивану самому нужна помощь, в определенном смысле это путешествие ему тоже необходимо, как некая перезагрузка сознания. Да и с Варварой Воеводиной не все так просто, в ее случае, увы, нам тоже есть с чем работать.

– Я слышал от Тины, что у Варвары есть сестра и она больна?

– Да, с ее сестрой случилось несчастье, – по лицу Аи пробежала тень, – это давняя семейная трагедия, повлиявшая и на жизнь Варвары. Наша бедная Варя тоже могла бы стать одной из героинь агентства «Четверг», нуждающейся в «переструктурировании» сознания и судьбы. Суммируя все вышесказанное, я считаю, что всем нашим путешественникам пребывание в Мехико пойдет на пользу.

Егор пожал плечами: – Ладно, давай обсудим возможные варианты сценария.

* * *

Ноябрь

Мехико

Не зная о планах криэйторов агентства, Иван Шевелев так и не смог ответить Агате на ее вопрос, зачем они здесь. Зачем?! Как – будто он знает, зачем это раскаленное синее небо, нестерпимое солнце – *зачем все как в той стране?* Вспомнив *ту страну*, Иван зябко, как от холода, что было

довольно странно в этот жаркий день, поежился.

Проклятая свеча на столе, выложенный из цветов «алтарь между миром живых и мертвых» в коридоре отеля, предательская дрожь в руках, ползшие из всех щелей памяти, как призраки, страшные воспоминания, и вновь возникшее – удавкой на шее – чувство вины.

Однажды гадалка сказала Ивану, что его внутреннее состояние на данный момент олицетворяет карта «повешенный»: «вы есть, но вас как бы нет...»; и ему, в самом деле, кажется, что это правда – он действительно словно бы кем-то проклят, навсегда приговорен к своей петле.

...Услышав стук, Иван вздрогнул – нервы были напряжены. Дверь открылась, на пороге возникла Варя; улыбаясь, девушка сказала, что они с Агатой и другими туристами собрались на вечернюю экскурсию на кладбище.

Иван кивнул и спустя паузу спросил, не Варя ли выложила дорожку из бархатцев в коридоре, ведущую к его двери.

Варя покачала головой:

– Нет, но я видела, как горничная сооружала цветочный алтарь на первом этаже, наверное, она принесла цветы и на наш этаж.

Иван усмехнулся: – Может, эту дурацкую свечу тоже зажгла горничная?

Варя ответила ему недоуменным взглядом.

Иван махнул рукой: ладно, все нормально. Глядя вслед

уходящей Варе, он вдруг почувствовал, как к горлу подступила тошнота – этот удушливый, сладковатый запах в коридоре, сводил его с ума. Ему показалось, что здесь пахнет смертью. «Так пахнут эти чертовые цветы», – сказал себе Иван, возвращаясь в номер.

Иван не знал, сколько прошло времени – он просто смотрел на свечу и ждал.

Его приближение Иван не то, что услышал, а почувствовал. Интуиция не подвела старого воина, и вскоре Иван увидел, как тихо, практически бесшумно повернулась дверная ручка.

Дверь медленно приоткрылась.

* * *

Ноябрь

Мехико

Уже на подходе к кладбищу, оглядывая многочисленные торговые ряды, уставленные сахарными черепами и «хлеба-

ми смерти», Агата подумала, что происходящее напоминает ей, если сравнивать с Россией – какое-нибудь массовое гуляние – что-то очень разношерстное и многолюдное, масленицу, к примеру, или Первомайское шествие, а если вспомнить другие страны, то бразильский или венецианский карнавал. В этот день кладбище Мехико превращается в шумный, пестрый город, куда приезжают целыми семьями. Люди украшают могилы свечами и бархатцами, раскладывают на могилах еду, здесь же устраивают пикники. Взрослые едят, пьют, дети веселятся, резвятся среди могил – и, похоже, никто не боится смерти. Всюду звучит бравурная национальная музыка, и разные мелодии, доносящиеся со всех концов кладбища, сливаются в общий своеобразный гимн смерти.

Бредя среди могил и наблюдая эти песни-пляски на костях, Агата чувствовала себя на этом празднике то ли жизни, то ли смерти инородным телом. Тем не менее, она отметила, что приподнятое, праздничное настроение людей не казалось натужным или искусственным, напротив – было очевидно, что люди на самом деле воспринимали происходящее, как праздник. И это как раз поражало ее больше всего.

Вернувшись в город, Агата с Варей остановились на одной из центральных улиц, чтобы посмотреть, как за бродячими оркестрами в карнавальном шествии идут толпы людей в масках, олицетворяющих смерть. В какой-то миг совсем рядом с Агатой и Варей прошла толпа ряженных под предводи-

тельством «смерти», облаченной в белую простыню и маску со страшным оскалом. Неожиданно «смерть» повернулась и пошла прямо к Агате. От ужаса Агата вскрикнула и закрыла лицо руками; «смерть» обняла ее и жестами позвала за собой, – пригласила присоединиться к карнавальной толпе.

Встревоженная Варя бросилась на помощь, но Агата остановила ее: – Ничего... Все хорошо.

Выдохнув – как перед отчаянным прыжком – Агата пошла за «смертью» и влилась в шествие.

Сопротивляться этой силе, пульсирующей радости и всеобщему ликованию было невозможно. Энергия толпы подхватила Агату и увлекла ее за собой. Растворившись в карнавальной шествии, Агата ощущала, что в нее словно вливается радость этих людей, их безмятежность и уверенность в том, что в смерти нет ничего страшного, что она есть лишь переход в новую жизнь. И улыбки на лицах горожан, и музыка уличного оркестра, и звезды над Мехико говорили о том, что смертью ничто не кончается, что жизнь бесконечна, что смерти нет, что все мы созданы для вечности, и надо радоваться этому и благодарить Того, Кто все придумал таким чудесным образом.

Сотни «мертвецов» шли по городу, музыка звучала так громко, что ею можно было пробудить мертвых. И в этой музыке и гомоне толпы Агата слышала: «Эй, бейте в барабаны – смерти нет! Ликуйте и славьте радость жизни! Пусть все

слышат наш гимн бессмертию и вечности. Мы пляшем и поем, потому что знаем – смерти нет».

Агата шла в толпе, плакала и смеялась, переживая боль, восторг, страх, изумление, радость – все эмоции и чувства, какие только может испытывать живой человек. Как тысячи живых людей в этом радостном шествии.

* * *

Ноябрь

Мехико

Мертвый мальчик входит в комнату: огромные черные глаза жгут огнем, в уголках губ запеклась кровь. Мальчик останавливается против Ивана и прожигает его взглядом беспощадных глаз.

Иван цепенеет, но его сердце колотится так, что, кажется, сейчас разворотит грудную клетку. Съежившись, он умоляет мальчика о прощении, говорит, что не хотел его смерти, что он лишь исполнял свой долг солдата.

Но лицо мальчика не смягчается.

– Я не знал, что в твоей деревне жили мирные жители, –

шепчет Иван, – если бы я мог что-то изменить, поверь, я бы это сделал.

Лицо мальчика по-прежнему бесстрастно. Горят нестерпимым огнем глаза. Глаза палача.

– Я и сам не живу, – оправдывается Иван, – в моей жизни нет ни радости, ни смысла...

И снова не то. Иван сникает – нет таких слов, чтобы вымолить прощение.

– Чего ты хочешь от меня? – кричит Иван. – Зачем пришел? Зачем ты всегда ко мне приходишь?

Мальчик смотрит – выдержать этот взгляд невозможно. Иван закрывает глаза руками. Когда он снова их открывает – в комнате никого нет.

«Наваждение, порожденное жарой, расстроенные нервы?» – вздыхает Иван, и тут же видит, что дверь в номер приоткрыта, а по полу стелется чуть смятая дорожка из бархатцев.

Глава 3

Конец декабря

Урал

Инстинктивно, по-звериному почуяв беду, Данила замолотил кулаками в дверь материнской квартиры. Ему тут же, словно бы его ждали, открыли, но это была не мать. Дверь открыла соседка Сумароковых – тетя Аня.

Милая, тихая тетя Аня – подруга матери Данилы, принадлежала к тому редкому типу людей, которые чувствуют вину за все на свете: за глобальное потепление вселенной, инфляцию и даже просто за то, что они есть; такие люди всегда словно бы извиняются – голос у них тихий, плечи опущены, в глазах покаянное «простите»... А сейчас у тети Ани был особенно виноватый вид. И очень несчастный.

– Что? – крикнул Данила вместо приветствия.

Пригвожденная чувством вины из-за того, что ей придется сообщать Даниле страшную весть, тетя Аня горько вздохнула: – Даня, твоя мама... умерла.

В голове у Данилы что-то взрывается. Кровь пульсирует в

висках, злая наковальня – молотом, молотом, черт, как больно. Данила медленно сползает по стене.

Вселенная раскалывается, и ты понимаешь, что ничто и никогда уже не будет, так как прежде. Ты сам не будешь прежним.

– Ты бы поплакал, Данилушка, – растерянно уговаривала окаменевшего Данилу, тетя Аня, – глядишь, станет легче.

Но Данила не хотел, чтобы стало «легче». Он яростно хотел, чтобы обрушившееся на него горе разорвало его пополам. Как же так – умерла? Как же так – ничего не успел, не сказал ей главного, и теперь уже никогда не успеет?! Отныне навсегда это страшное чувство вины, боль, и дикая – зверем бы выл – тоска.

– Леночка много болела в последний год, но не жалела себя, работала на износ, – бормотала тетя Аня, – ты же знаешь ее – такой человек...

Да, он знал: бесконечные дежурства, операции, больные, Елена Сумарокова – человек долга и «врач от Бога».

– Первый инфаркт у нее случился четыре года назад, – тетя Аня смахнула слезу.

Данила вскинулся – первый инфаркт? Он не знал. Мать ему не говорила.

– Второй приступ она перенесла год назад. Тут бы Леночке пожалеть себя, побережься, но какое там – Лена продолжала работать. Думаю, она еще за тебя переживала, – осто-

рожно добавила тетя Аня, – расстраивалась, что у вас... разлад вышел. Любила она тебя очень.

– Когда она умерла? – выдохнул Данила.

– Три часа назад. В больнице. Сердечный приступ.

«Значит, мать умерла, когда я летел в самолете», – кольнуло Данилу. И еще одна мысль больно уколола. «Болела, но не звонила мне до последнего. Позвонила только, когда поняла, что серьезно больна. Если бы раньше, если бы вчера... Я бы успел...» Что такое смерть? Это необратимость. Невозможность что-то изменить. Приговор. Не для мертвого, для живых.

Данила уронил голову в руки и разрыдался. Мама, где ты сейчас? Ты видишь меня? Я приехал, мама...

Здесь, в этом ледяном пространстве уральских марсианских хроник (заводы, мартены – даешь стране металл!) разворачивалась практически античная трагедия – герой не успел появиться вовремя. Ничего не исправить.

Тетя Аня кивнула: – А ты поплачь, Данилушка, поплачь. Это правильно.

* * *

Застыв перед монитором, Кирилл придумывал для героини своей новой компьютерной игры, очередные препятствия. Темноволосую, похожую на мальчика героиню, звали Ая, и она, как две капли воды походила на психолога агент-

ства Аю Кайгородскую. Таково было пожелание Четверга, заказавшего Кириллу игру. Вторым условием владельца агентства, выдвинутым Кириллу, как разработчику программы, было создание для героини предельно сложных уровней квеста. Согласно сценарию игры Ая должна была добраться до башни в черном лесу и встретиться с ее обитателем, чтобы узнать его тайну. Но на пути к черному лесу девушке предстояло преодолеть множество препятствий: она воевала со злом в разных его обличьях, переплывала моря, пересекала пустыню и даже бороздила космические пространства. Кириллу пришлось изрядно напрячь воображение, чтобы создать этот виртуальный, полный опасностей мир. И вот, наконец, он приступил к финалу истории. Экранной Ае оставалось рукой подать до черного леса, но коварный Кирилл придумал для нее цепь хитрых ловушек; выбираясь из одной ловушки, девушка тут же попадала в другую, и каждая могла стать для нее смертельной.

Наблюдая за драматической борьбой экранной Аи за свою жизнь, Кирилл вдруг подумал, что даже если ей удастся добраться до башни и выиграть битву с ее обитателем, то все равно в каком-то предельном, метафизическом смысле из последней ловушки героине не выбраться; в сущности, как и любому из нас. Эта последняя ловушка – время.

* * *

Середина декабря

Карибское море

Иван подумал, что время – странная штука; если верить календарю – они не так давно покинули Мехико, а между тем ему кажется, что с тех пор прошла целая вечность. Вспомнив Мехико – праздник мертвых, визит ночного гостя, Иван почувствовал, как по его спине пробежал ледяной холодок; и это несмотря на то, что на залитой солнцем палубе было жарко, и даже несмотря на то, что с *той ночи* прошла вечность.

За эту самую вечность он и его спутницы успели сесть на зафрахтованную яхту и уже проплыли тьму морских миль под парусом. По ощущениям, событиям, эмоциям, этот период оказался невероятно насыщенным – впечатлений хватило бы на целую жизнь.

А началось все на Антигуа.

...Антигуа – слава открывшему его Колумбу! казался тропическим раем: живописный остров утопал в изумрудах зе-

лени, а его берега омывало лазурное море. Пение птиц, запахи диковинных тропических растений, белоснежные яхты – для счастья здесь было все, пожалуй, даже с избытком. В самом деле, в этой невозможной местной красоте было что-то декоративное, остров напоминал виды глянцевой туристической открытки или ожившие кадры рекламного ролика, где знойная красотка приглашает вас отведать шоколадный батончик с кокосом, с придыханием шепча что-то о «райском наслаждении». Да, эти два моря – море лазури и зелени действительно сулили «райские наслаждения» тем, кто таковых искал, но команда наших героев: хмурый Иван, печальная Варя – выражение лица, как перед отпеванием, и бледная, болезненная Агата, явились сюда за другим, а зачем именно, они и сами пока не знали.

Увидев старинные колониальные постройки и форты крепости, помнившей еще тех самых легендарных карибских пиратов, Иван поймал себя на мысли, что в этом есть что-то нереальное, киношное, настолько, что оказавшись здесь, ты так и ждешь, что сейчас навстречу тебе выплывет корабль Джека Воробья или Френсиса Дрейка – нечто из мальчишеских грез – голливудское, про пиратов.

На причалах гавани Антигуа качались яхты любых размеров и классов, и среди прочих – белоснежная красавица, зафрахтованная для наших героев. Увидев на ее борту название «Liberte», Иван хмыкнул: свобода?! Что же – символич-

но!

На борту яхты их встретил капитан – маленький француз с забавной жестикуляцией, которого звали Поль. Театрально раскинув руки, Поль радушно приветствовал своих пассажиров: «Приветствую вас, друзья! Путешествие начинается!»

Путешествие началось. И никто не знал, сколько оно продлится.

Каймановые острова, Пуэрто-Рико, Антигуа, Бонэйру, Барбадос, Тринидад, Тобаго, Сен-Мартен, Гренада, Кюрасао, Сен-Бартелеми, Сен-Китс, Мартиника, Невис – маршрут их путешествия не то, что выглядел – звучал ожившей легендой про корсаров Карибских морей.

Белоснежная «Liberte» рассекала волны, солнце уходило за горизонт. Иван сидел на палубе в компании Вари и капитана Поля, наблюдал, как на море опускается прекрасный закат и слушал истории капитана о пиратах в Варином переводе. (К счастью, Варя вполне сносно знала французский язык, так что еще в Москве путешественники отказались от мысли брать с собой переводчика, – учитывая специфику их путешествия, никому не хотелось иметь на борту посторонних).

Старательно и с выражением Варя повторяла слова капитана, и вот в сгущающемся вечере проступил тонкий лик знаменитой морской пиратки Чжэн.

– Гибкая, как змея, китаянка Чжэн – женщина со змеины-

ми опасными глазами цвета самой темной ночи, и с черными, как смоль, волосами, командовала пиратской армадой из шести флотилий, — летел над морем Варин голос. — Долгие годы корсары капитанши Чжэн грабили другие корабли, не зная жалости. Армада Чжэн была ужасом карибских морей. Но однажды Сын Неба — китайский император Киа-Кинг решил вернуть Карибам покой, и послал несметное количество своих кораблей, чтобы разгромить пиратов. Увидев корабли императора, корсарша Чжэн приготовилась к битве, понимая, что это, скорее всего, будет ее последний бой. Однако, к удивлению капитанши, битва никак не начиналась, с императорских судов в небо взмывали сооружения из бумаги — этакие стаи драконов, напоминавшие воздушных змеев. Вдова Чжэн поняла, что Сын Неба посылает ей некое послание, которое она должна расшифровать. Она вдруг вспомнила притчу о драконе, который всегда опекает лису, невзирая на ее вину и прегрешения, и задумалась над смыслом послания императора. Когда в море опустилась полная луна, Чжэн бросила свои мечи, опустилась на колени и приказала вести себя на судно Сына Неба со словами «Лисица идет под крыло дракона». Лиса Чжэн получила прощение Императора и покончила с пиратством. А в здешних морях с того дня воцарился покой, правда, в двадцать первом веке его иногда нарушают голливудские съемочные группы, снимающие фильмы о пиратах карибских морей.

Капитан Поль закончил рассказ и победно посмотрел

на притихших слушателей: – А неплохая история, друзья? Правда, честно признаюсь, что я позаимствовал ее у одного известного писателя.

Иван кивнул: история и в самом деле, оказалась любопытной, да и сам Поль – весьма занятным персонажем.

То ли в детстве будущий капитан Поль перечитал книг о пиратах и морских путешествиях, то ли так встали звезды в момент его рождения, но Поль буквально бредил морем. В свои сорок пять лет он не имел ни семьи, ни жилья, ни постоянной работы, ни сбережений; четыре года назад Поль вложил все имеющиеся у него деньги в покупку этой яхты. С тех пор Поль сдает свою «Liberte» и себя вместе с ней, в аренду таким путешественникам, как Иван с Варей.

С первого дня знакомства Иван проникся к Полю симпатией, сочтя, что у них много общего; они оба были «солдатами удачи» – ни семьи, ни постоянной работы, никакой уверенности в завтрашнем дне, правда, у Поля была мечта, которую к тому же он осуществил, а у Ивана ее не было.

Помимо любви к морю у Поля имелось три страсти – он обожал кулинарию и дайвинг, и страстно любил истории о пиратах. Страсть Поля к кулинарии, пиратским байкам и дайвингу являлась столь всеобъемлющей и искренней, что он непременно хотел поделиться ею с окружающими. Как только у него выдавалось свободное время, Поль либо колдовал на камбузе над очередным гастрономическим шедевром, либо ловил кого-то из путешественников и рассказывал

ему новую пиратскую историю.

Если прежде Варя представляла мир, как сугубо рациональное, разумное пространство, в котором все обусловлено и все имеет свои причинно-следственные связи (мир, как таблица химических элементов – четкая структура, понятная схема), то теперь она столкнулась с иррациональной стороной этого мира, к примеру, с таким непостижимым явлением, как красота. Да, в этой избыточной красоте взрывающего море заката таилось что-то иррациональное, потому что такая невероятная красота не имела прагматического, рационального смысла, и она не была чем-то обусловлена. Красота подпадала под принципиально новую для Вари категорию «прекрасного», у которой был только один смысл – высший смысл красоты, явления, выходящего за пределы знаний любой науки, хотя бы даже и физики с химией; той самой красоты, что спасает этот мир.

Поняв, что ее привычная картина упорядоченного детерминированного мира рушится, Варя несколько растерялась: оказывается, вселенную пронизывают принципиально иные «атомы», волны, идеи, и смыслы. Мир на ее глазах преобразался – он заиграл сотней новых красок и звуков, и в нем – теперь она это знала – есть много волнующего, чудесного, пока еще ею непознанного. И Варя хотела открыться этому новому миру.

В отличие от расцветающей Вари Агата была закрыта – запечатана в раковину своей печали. То удивительное чувство, которое она испытала в Мехико на празднике мертвых, идя в карнавальной толпе – чувство согласия с жизнью, смертью и законами вселенной, больше ее не посещало. Фантастической красоты закаты-рассветы, дивные пейзажи экзотических островов, чуткое внимание со стороны других путешественников не примиряли Агату с ее внутренней болью и не отменяли для нее собственное тягостное одиночество и мысли о скорой смерти. Ей казалось, что солнце светит излишне ярко, а ее спутники выглядят слишком... здоровыми; и даже окружающая природа, чересчур пестрая и навязчивая, вызывала у нее раздражение. Агата чувствовала себя больной и одинокой.

Она теперь часто плакала, иногда запершись в каюте, иногда на палубе, глядя на море. Море было огромным, но даже оно не могло поглотить ее боль.

Когда-то давно жила на свете девочка Агата. Она была счастлива, потому что ее все любили, и потому что она ничего не знала о смерти. Девочке нравилась сказка про цветик-семицветик, и подобно героине любимой сказки она часто кричала куда-то или кому-то – в небо:

«Лети-лети лепесток, через запад на восток,
Через север, через юг,
Возвращайся, сделав круг.
Лишь коснёшься ты земли —

Быть по-моему вели».

Спустя годы повзрослевшая несчастная девочка стоит на палубе чужой бутафорской яхты и плачет: будь по-моему вели!

...Ее кто-то обнимает за плечи. Обернувшись, Агата видит Варю. Почти неприязненно – она не хочет ни с кем сейчас говорить, Агата спрашивает: – Что?!

– Поль приготовил чудесный ужин, – улыбается Варя, – свежие морепродукты, думаю, это очень вкусно. Идем?

– Я не голодна, – отказывается Агата. В голове зло пульсирует: оставьте меня, пожалуйста, оставьте меня, я не хочу ни морепродуктов, ни историй про пиратов, ни ваших, черт бы вас драл, участия и жалости. Впрочем, эта белобрысая нелепая девушка, конечно, не заслуживает такого отношения – Агата понимает это, и, увидев, как сникла Варя, тут же смягчается: – Прости, я не хотела быть резкой.

Варя кивает: – Ничего, я понимаю.

А вот эта фраза заставляет Агату взорваться: – Понимаешь? А разве ты можешь меня понять? Ты... такая молодая, цветущая и здоровая?!

– Но ты же ничего обо мне не знаешь! – вздыхает Варя. – Думаешь, я счастливая?

Агата видит, как на некрасивое Варино лицо набегают тени. Она уже сожалеет о том, что причинила Варе боль.

– Меня никто никогда не любил, – тихо признается Варя, –

во мне никто никогда не нуждался, кроме моих суккулентов.

Агата обнимает Варю за плечи. Они стоят, обнявшись – грустные, притихшие. Такими их и застаёт капитан Польш.

* * *

Конец декабря

Урал

Пустота подступала со всех сторон и затягивала в воронку отчаяния, тишина давила и сводила с ума. Данила сидел на кухне перед давно остывшим чаем, который он налил себе утром, да так и забыл выпить, и совершенно не знал, чем ему заняться в ближайшие часы-дни-жизнь.

Вчера, на похоронах матери, он отстраненно воспринимал происходящее: церемония прощания в ритуальном зале, поездка на кладбище в старом автобусе... Данила механически кивал, когда знакомые матери говорили ему слова сочувствия, слушал эпитафии ее коллег, чуть подрагивая от мороза, смотрел, как могилу засыпают землей.

На кладбище было холодно. Очень холодно. Это был обычный день суровой уральской зимы – слепящий глаза

снег, сводящий нутро холод, солнце, не способное никого согреть. Данила ничего не чувствовал, кроме холода, заморозившего, казалось, даже душу.

После похорон все поехали в кафе, где коллеги усопшей организовали поминки. Данила пил, слушал речи сослуживцев матери о том, каким чудесным человеком и врачом от Бога была Елена Сумарокова, согревался и хмелел. Потом он неожиданно расплакался, и ему стало неловко. А потом все начали расходиться, и он тоже пошел домой, хотя идти туда ему совсем не хотелось.

В квартире было пусто, тихо, страшно. Всю ночь Данила сидел в комнате, глядя в пустоту. К утру он немного успокоился, но вдруг увидел под кроватью материнские тапки и разрыдался.

Не зная, что делать и чем себя занять, он пошел на кладбище – к матери. По пути Данила купил букет гвоздик, ему хотелось, чтобы на могиле были не вчерашние, подмерзшие на морозе, а свежие цветы.

...Темно-красное пятно на ее могиле он заметил еще издали, но не сразу понял, что это. Подойдя ближе и разглядев, Данила вздрогнул, – материнская могила утопала в цветах. Ее покрывали сотни роз. В этом было что-то даже театральное – обилие кровавых роз на белом снегу. Эта картина и испугала Данилу и вызвала у него неприятие; ему показалось, что кто-то таким странным образом выразил свои права на его мать. Но кто? Данила подумал было пойти поискать

кладбищенского сторожа и узнать у него, кто принес цветы на могилу, но не нашел в себе сил. Боль, огромная – до неба, застилала сейчас весь горизонт, и ему было не до семейных тайн. Сейчас вообще ничто не имело смысла.

Данила положил свои скромные гвоздики на соседнюю могилу и пошел домой.

Дома он поставил материнский несовременный чайник на плиту, сел и уставился в окно. За окном шел снег, чайник давно кипел – Данила сидел, словно в оцепенении. Он очнулся лишь, когда в дверной звонок позвонили.

Открыв дверь, Данила увидел на пороге незнакомого мужчину.

Глава 4

Конец декабря

Карибское море

Во время их последнего интернет-сеанса связи, Ая посоветовала Варе чем-то занять Агату. Зная о том, что в детстве Агата хотела стать фотографом, Ая попросила Варю вручить Агате фотокамеру, и под предлогом того, что руководству агентства для составления фотоотчета для спонсоров поездки нужны фотографии, предложить Агате заняться фотосъемкой.

Выслушав просьбу Вари, Агата удивилась:

– Фотоаппарат? Мне?! Какой из меня фотограф?

– Ты же говорила, что в детстве мечтала стать фотографом? – напомнила Варя.

– Мало ли о чем я мечтала в детстве?! Да я и не умею фотографировать.

– Можно научиться, – мягко сказала Варя, – в интернете полно роликов и учебников по фото мастерству!

– Ты думаешь, у меня на это есть время? – изумилась Ага-

та. – Может, мне еще начать учить языки или учиться танцевать танго? Вообще – то в моей ситуации это было бы довольно странно, особенно если учесть, что языки мне уже никогда не понадобятся, а танго с трупами отплясывают исключительно в Мексике и то лишь в определенный день. Вы издеваетесь надо мной?

Стоявший рядом с женщинами и ничего не понимавший в их разговоре, капитан Поль вдруг произнес что-то на французском.

– Что он говорит? – усмехнулась Агата.

– «Ничего не потеряно, пока не потеряно все», – перевела Варя, – слова Гете – жизненный девиз нашего капитана.

Агата покачала головой: – Ну вы даете, ребята...

– Да, и на счет танго, – добавила Варя, – Поль говорит, что он будет с тобой танцевать.

Агата молчала, не зная, что ответить, но когда Варя протянула ей фотокамеру, взяла подарок.

«Еще есть время, есть, – сказала себе Варя, – нужно попробовать».

Агата не умела фотографировать, но как человек ответственный – раз уж взялась за дело! – она решила научиться снимать приличные фотографии. Часами она просматривала обучающие ролики, разглядывала работы лучших фотографов, училась выстраивать свет.

У каждого кадра своя драматургия – ищем сюжет, доби-

ваемся полного раскрытия темы, и своя философия: каждый кадр – остановленное время. Время, которого у нее теперь так мало, но зато эти запечатленные ею мгновения, останутся и тогда, когда ее уже не будет. Стая птиц над морем, прочерненное скорой бурей небо, растревоженное штормом море – ей все хотелось сохранить не только на фотокадрах, но и на пленке своей памяти.

Постепенно у нее стали получаться хорошие фотографии. Агата почувствовала вкус к фотосъемке, стала снимать увлеченно, с азартом.

Разноцветные закаты, чудо протянувшейся над морем радуги – у нее получались особенные кадры. Так фотографировать и смотреть на мир с такой любовью, мог только человек, который с ним прощался.

Примерно в это же время Агата, по предложению Вари, завела блог в социальной сети. Ее первой записью стало признание в собственной слабости и в своих страхах. «Когда я узнала свой диагноз, мне показалось, что я полетела в бездну, в пустоту, и я летела в нее каждый день, каждую минуту своей оставшейся жизни». В следующих записях она предельно откровенно рассказывала о собственных попытках договориться со смертью, принять неизбежность скорого ухода. Она публиковала в блоге фотографии и честно повествовала о своем последнем путешествии подписчикам, которых вдруг оказалось неожиданно много. Да, вот что странно – она завела этот блог ради сына и внука, в расчете

на то, что они однажды прочтут эти записи, а оказалось, что ее виртуальный дневник нужен многим людям.

* * *

Конец декабря

Карибское море

Когда отвязный дайвер Поль впервые предложил Ивану попробовать погружение с аквалангом, Иван отмахнулся: да ну, это не мое. Но Поль не отступал – он так настойчиво уговаривал Ивана, что тот был вынужден согласиться (иногда легче согласиться, чем объяснить, почему ты не хочешь что-то делать). А дальше случилось невероятное – после первого же погружения Иван страстно увлекся дайвингом.

Это был особенный мир – красивый и гармоничный. Подводные пещеры, гроты, тоннели, отвесные стены, затонувшие корабли, пастбища скатов, волшебные коралловые сады и башни, синие дыры, мириады рыб. Здесь Иван забывал о своей боли. Теперь он понимал Поля, считавшего погружение в подводный мир возвращением к естественной природе человека. Водная стихия и впрямь была когда-то нашей

естественной средой, ведь первые девять месяцев своей жизни – внутриутробной, мы проводим в воде. Вода успокаивала Ивана, залечивала его раны, и, если бы можно было вовсе не возвращаться – он бы не вернулся на сушу.

Глядя на новообращенного дайвера, Поль довольно улыбался: «мистер Иван стал русалочкой?!»

Новое ли увлечение дайвингом, или само путешествие так благоприятно сказались на его психологическом состоянии, но Иван чувствовал, что выздоравливает, ему стало легче дышать. И вот когда он почти поверил в то, что его ночные кошмары закончились, и веревка на шее ослабла, прошлое вдруг вернулось и снова туго затянуло петлю.

В ту ночь ему приснился один из самых страшных за последний год, кошмаров. Нет, ничего такого – никакой мистики, странных фантазий, просто в этом сне полностью, вплоть до мелочей повторялись события того дня. Вот группа Ивана получает задание от командования, вот он отдает приказ открыть огонь по деревне, вот наводят расчеты... Стоп. Иван кричит об отмене приказа: «не стрелять, там люди!», но поздно – рев снарядов уже разрывает небо. Он опоздал, не смог отменить трагедию – ужас повторяется. Дальше в его сне все происходит так, как было в реальности – он заходит в разрушенный дом, видит умирающего мальчика, слышит его проклятие.

Проснувшись, Иван понимает, что никогда не получит

прощения.

Он чувствует себя больным и разбитым. Тем не менее, сразу после завтрака Иван говорит Полю, что хочет сегодня «поплавать», и попробовать, наконец, пещерный дайвинг. Поль предостерегает Ивана – здешние гроты опасны, их называют «место конца света», от дайвера здесь требуется предельная осторожность.

Иван странно улыбается: да, я буду осторожен.

Перед самым погружением к нему вдруг кидается Варя: – Иван, может, не надо?

Иван молча погружается в море.

Всего несколько десятков метров в минус, и ты действительно возвращаешься в привычную, такую комфортную – добытийную – среду; вода обволакивает тебя, стирает память, кошмары прошлого, боль и чувство вины.

Растворяясь в водной стихии, Иван неожиданно подумал, что возможно, решение его проблем в том, чтобы остаться сейчас в этом «месте конца света», навсегда раствориться в море. Тем более, что никто не узнает о его слабости, со стороны все будет выглядеть как несчастный случай. Это будет быстрая и по-своему гуманная смерть.

Иван потянулся к трубке акваланга.

Первым, кого он увидел, вынырнув, была Варя. Она стояла на залитой солнцем палубе и смотрела вдаль. Увидев его,

Варя просияла и простодушно призналась, что волновалась за него и ждала, когда он вернется. Иван улыбнулся: «все хорошо, я в порядке», прислонился к борту яхты, отдышался. Иван чувствовал себя так, словно недавно выиграл свой главный бой. Он сделал выбор – выбрал жизнь и вернулся.

Солнце в зените – гигантская звезда – миллионами лучей пронзало море, по небу летели сотни таких же белых, как яхта ««Liberte»,» облаков. Варя щурилась от солнца и прикрывала глаза рукой. Иван вдруг заметил, как Варя изменилась за последнее время – ее волосы выгорели и зазолотились, лицо покрылось загаром, а главное, она теперь часто улыбалась, что ей, безусловно, шло. Во время путешествия они мало общались, поскольку почти все время Варя проводила с Агатой, но Иван привык к тому, что когда они с Полем погружались, Варя всегда была где-то рядом – ждала их на палубе, переводила ему реплики Поля.

Вот и теперь она что-то рассказывала ему, но он, погруженный в раздумья, ее почти не слышал. Однако в какой-то миг Иван очнулся и переспросил, о чем она говорит.

– Сегодня видела прогноз погоды на Москву, – сказала Варя, – представляешь, там холодно и метели!

Иван вздрогнул – Москва?! Среди здешнего тропического рая образ Москвы казался нереальным. «Хотя в Москве, наверное, сейчас хорошо, – подумал Иван, – конец декабря: мороз, снег, и люди готовятся к новому году».

* * *

Конец декабря

Урал

– Нам нужно поговорить, – сказал незнакомец, – есть разговор. Я – Володин.

– Ладно, – кивнул Данила, соглашаясь и на Володина (хотя он знать не знал, кто это), и на его приход, – входите.

Данила с гостем прошли на кухню, сели за стол друг против друга. Данила оглядел незнакомца – на вид около шестидесяти, крепкое сложение, немного грубоватое лицо, ежик седых волос, пронизательный взгляд не глупого человека. Одет Володин был скромно, без затей – в стиле «нормальный мужик без понтов из толпы», растиражированном в миллионах мужиков по всему земному шару. «Он может быть кем угодно», – машинально подумал Данила.

– Я – врач – реаниматолог, – в этот момент сказал Володин, словно бы слышал Данилу.

«И реаниматологом – тоже», – закончил мысль Данила. Он предложил незваному Володину чай, но тот вдруг вынул

из кармана пиджака бутылку водки и поставил на стол: выпьем?

– Выпьем, – легко согласился Данила, – у меня, кстати, тоже есть. – Он махнул рукой в сторону шкафа, где стояла пара бутылок водки, которые ему зачем-то вчера в кафе всучили женщины, устраивавшие поминки: «ну не пропадать же добру, Даня, возьми...»

Так что спиртного у них на двоих было много – хватило бы на какой угодно длинный и откровенный разговор. Данила плеснул Володиной водки в стакан; нашлась и кое-какая закуска – заботливо собранная теми же сердобольными женщинами нарезка: хлеб, колбаса, сыр.

После второго стакана реаниматолог Володин рассказал Даниле, что он много лет работал с его матерью в одной больнице; а после третьего заговорил о том, какой прекрасной женщиной была Елена Сумарокова. Необыкновенной. Лучшей. При этом у Володиной были глаза влюбленного человека. Данила, сначала не понимавший, зачем пришел Володин, постепенно что-то такое стал понимать. А потом Володин признался сам – сказал, что просто хотел поговорить с кем-то «кто тоже любит Лену...» Услышав эти искренние, от самого сердца слова, Данила вздохнул и понял (так мужчина может понять мужчину), что реаниматолог Володин любил его мать, любит до сих пор, и будет – такие мужики, как правило, однолюбы – любить всегда.

И завязался мужской разговор «по душам». Володин рас-

сказал, как много лет назад он встретил Елену в больнице.

– Увидел ее и влюбился, понимаешь, в ней было что-то особенное, – Володин сделал неловкий жест, в котором, однако, таилось много нежности. – Но я сразу подумал, что к этой женщине без серьезных намерений не подступиться! Правда, у меня и с серьезными не получилось... Три года я за ней ухаживал, предлагал выйти за меня.

– Она вас любила? – прямо спросил Данила.

Володин вздохнул: – Не знаю. Иногда мне казалось, что я ей не безразличен, но с самого начала она говорила, что у нас ничего не получится. Думаю, она отказала мне из-за тебя.

– Из-за меня? – удивился Данила.

– Ну да. Тебе тогда двенадцать исполнилось. Лена сказала: сложный возраст, не стоит травмировать подростка; она считала, что ты наш брак не одобришь, боялась тебе сделать хуже. А потом она просто все разорвала, и через год я женился, – Володин махнул рукой, – ну так, чтобы пустоту заполнить. Но как показало время – не получилось. Не сложилось у нас с женой, год назад мы развелись. Дочка у меня уже взрослая, догадайся, как зовут... Да – Лена. Вот такие дела, парень. А твою мать я до сих пор люблю, оказывается, так бывает.

Данила не мог не заметить, что когда Володин говорил о Елене, его лицо как-то вспыхивало, словно внутри загоралась особенная лампочка, и голос теплел, и даже морщины на лице разглаживались, а когда речь зашла о вчерашнем дне

и похоронах, глаза Володина потухли, и лицо будто окаменело. И потом, когда Володин признался, что не может поверить в то, что Лены больше нет, его лицо так потемнело, словно свет разом вырубили. Как в театре. Только настоящий мужик Володин не был театральным актером, и любая светотень в его глазах рождалась искренним и выстраданным движением души.

Посидели в тишине (может, Елена видела их и тихо радовалась, что вот так хорошо сидят вместе два ее любимых человека), а потом Володин неловко сказал:

– Вот ведь какая штука, а я бы мог быть твоим отцом, если бы тогда все устроилось...

Данила кивнул, не зная, что сказать. Ну не скажешь ведь, что лично он не возражал бы против такого отца, потому что Володин вызывал у него симпатию, да и вообще неплохо, если бы рядом с матерью был такой настоящий мужик. Но что теперь гадать, сложилось, как сложилось.

– Да, я понимаю, сложилось, как сложилось, – мотнул седой головой Володин, повторяя мысль Данилы, – не перепишешь, не исправишь. Может, стоило проявить настойчивость – не знаю. Понимаешь, мне всегда казалось, что у Лены что-то такое случилось в прошлом, отчего она, ну что ли, закрылась для счастья. Ладно я (то же мне – счастье! не променя речь), но такая женщина, как Лена, могла сто раз свою жизнь устроить, а она для себя «личное» закрыла; работа, ребенок – все. Я не понимал – почему так. А она не объяс-

няля, вообще отказывалась об этом говорить. – Помолчав, Володин спросил: – А ты не знаешь?

Данила вздохнул, так что и без слов все стало понятно; нет, он не знает, и, похоже, правды никто ему теперь уже не расскажет.

– А я думал, может, ты знаешь... Ну а что у нее было редкое сердечное заболевание, с которым нельзя работать на износ, тоже не знаешь? Не говорила она тебе? Что же, понятно – берегла тебя. Себя вот не сберегла – умерла в пятьдесят пять лет, это что – возраст? – Володин махом осушил рюмку и поднялся: – Ладно, пойду, мне пора, спасибо за разговор.

Прощаясь, Данила пожал Володину руку и, не сдержавшись, вдруг спросил: – Вы принесли этот «миллион роз» на ее могилу?

Володин ответил Даниле удивленным взглядом: – Не понял?

Данила смутился: – Да нет, ничего, извините.

В самом деле – какая глупость, как он мог подумать, что эту театральщину с розами развел Володин?! Быть не может! Но тогда выходит, что в этой истории есть кто-то еще.

Данила выглянул в окно и увидел, как по двору идет Володин. Снег, переходящий уже кажется в густую метель, метет Володину в лицо, оседает на седых волосах. Отметив, что на Володине нет шапки, Данила с тоской подумал, что тот простудится. Володин пересек двор и скрылся в метели.

Данила вошел в комнату, которая когда-то была его детской. Здесь все так и осталось, как во времена его детства. На стене висели его детские фотографии, а над столом – рисунок, на котором восьмилетний Данила нарисовал космический корабль, бороздящий просторы вселенной; из корабля, как из вертолета выглядывал космонавт, рядом с ним от руки было приписано «Даня», то есть в роли космонавта Данила воображал не кого-нибудь, а себя. Да, в детстве он действительно мечтал стать командиром звездолета и перемещаться на звездолете во времени и пространстве, рассекать вселенную, постигать тайны космоса.

Данила открыл ящик стола и увидел папку и с другими своими детскими рисунками, заботливо сохраненными матерью. Данил взял в руки первый попавшийся и, увидев надпись, сделанную корявым детским почерком «милой мамочке с восьмым марта!», заплакал. «Мама, мой звездолет разбился о землю, не долетев до цели. Я оказался никудышным пилотом».

Тишину квартиры взорвал дверной звонок. «Никого не хочу видеть, – подумал Данила, – хватит с меня на сегодня разговоров и откровений». Но в дверь звонили и звонили. Смирившись и открыв, Данила увидел на пороге встревоженную тетю Аню с кастрюлей в руках.

– Ну и напугал ты меня! Я же знаю, что ты дома, вижу – свет горит, а не открываешь! Я уже хотела своими ключами открыть, думала, вдруг что случилось! – объяснила со-

седка. — А я тебе борщ сварила, ты ведь голодный.

На кухне тетя Аня растерянно посмотрела на пустую водочную бутылку, но ничего не сказала. Она зачерпнула половником горячий наваристый борщ, наполнила тарелку и поставила ее перед Данилой.

Данила вяло запротестовал: — Я не хочу.

Но тут тихая тетя Аня проявила несвойственную для себя жесткость и решительно отрезала: — Надо.

Данила послушно склонился над тарелкой.

— И давай сметаны побольше! — приказала тетя Аня.

Расправившись с борщом и отхлебнув горячего чая, Данила спросил соседку:

— Теть Ань, вы же с матерью дружили?! Она вам что-нибудь рассказывала о моем отце?

Тетя Аня вздрогнула, забормотала: — Нет, Даня, я ничего не знаю, даже не спрашивай.

Данила вздохнул: — Да спросить-то, получается больше не у кого. Понимаете, есть ощущение, что мать всю жизнь от меня что-то скрывала. Мне кажется, я имею право знать то, что так или иначе, касается и меня тоже?!

Тетя Аня кивнула: — Я понимаю. Только вряд ли я смогу тебе чем-то помочь, сама знаю не больше твоего. Лена ведь была очень скрытная, в особенности в том, что касалось ее прошлого. Когда я сюда переехала и с ней познакомилась, ты уже в первый класс ходил. Мы с ней как-то быстро сдружились, стали, как сестры, ну ты знаешь... И все-таки были

темы, на которые она никогда не говорила, и я понимала, что не надо ни о чем спрашивать – ей это не понравится. Так что про твоего отца я ничего не знаю. Знаю только, что Лена родом была не с Урала...

– Как это? – вскинулся Данила.

– Ты разве не знал? – удивилась тетя Аня. – Лена родилась в Белоруссии. После школы она поехала в Москву, поступила в медицинский институт, закончила его. Ты, как я поняла, родился как раз в Москве. А на Урал она переехала, когда тебе было два или три года.

– А почему именно Урал? Чего ее сюда занесло?

– Не знаю, – пожала плечами тетя Аня, – я как-то спросила, но она ушла от ответа, отшутилась: мол, озера у вас красивые. Кстати, приехав сюда, она ведь и фамилию сменила. На Урале Лена взяла девичью фамилию матери и стала Сумароковой.

Данила покачал головой – ну и ну, он и этого не знал.

– Лена словно хотела начать новую жизнь – с другой фамилией, в другом месте. Знаешь, Даня, она будто чего-то или кого-то боялась. Я думаю, что там, в Москве, у нее что-то случилось, отчего она решила сбежать. А что именно – не знаю. – Тетя Аня задумалась и вдруг спохватилась: – Да, кстати! У Леночки на антресолях есть альбомы со старыми фотографиями, посмотри, может, найдешь ответы на свои вопросы.

Проводив тетю Аню, Данила принялся искать старые фо-

Конец декабря

Москва

Этим вечером Ае предстояло не только узнать тайну Четверга, но и выяснить можно ли победить или отменить смерть (других объяснений тому, как может умерший пять лет назад человек играть с ней в кошки-мышки, она не находила, – он либо инсценировал свою смерть, либо действительно вернулся из мира мертвых).

Выйдя из дома в назначенный час, она увидела у подъезда дожидавшийся ее черный мерседес, присланный Четвергом. Водитель – мужчина в темном пальто с непроницаемым выражением лица, каковым, видимо, отличались все охранники Четверга, открыл ей дверь автомобиля: прошу вас...

Сев в салон машины и захлопнув дверцу, Ая вдруг подумала, что чувствует себя неким мифическим героем, Орфеем, к примеру, к которому вскоре предстоит нисхождение в царство мертвых. Ну, путешествие начинается.

Дорога в «царство мертвых» оказалась не близкой, как и три месяца назад Аю доставили на аэродром и посадили в вертолет. Наконец, ей все же удалось «переплыть Стикс» и оказаться перед воротами поместья Четверга. Все тот же охранник, сопровождавший ее с самого начала (Ая назвала его своим персональным Хароном), провел ее за ворота.

Проходя через очередной пункт охраны к дому Четверга, Ая отметила, что происходящее напоминает ей тот осенний день, когда Четверг собрал будущих сотрудников агентства в своем доме, только теперь была зима, и огромный «космический» дом в снежных декорациях казался еще более странным. «Подходящий дом для покойника», – попыталась пошутить Ая, однако тут же осознала, что шутка вышла довольно зловещей; впрочем, и дом выглядел зловещим – не готический замок, конечно, но такая футуристическая инопланетная тарелка, неизвестно чем начиненная. И охрана, охрана – поместье нашпиговано охранниками и камерами. «Покойник», видимо, беспокоится за свою жизнь, – усмехнулась Ая, и тут же одернула себя: – Так, еще одна неудачная шутка! А, между прочим, говорят, что много смеяться – не к добру!» На самом деле, за отчаянной бравадой и сарказмом она пыталась скрыть страх (и то сказать, что же приятного – встретиться лицом к лицу с мертвецом?)

Через безлюдных комнат, лабиринты лестниц, и Ая вновь оказалась в том самом зале, где Четверг обращался к своим гостям с экрана. Только на сей раз она была здесь одна.

Глава 5

Конец декабря

Урал

Синий потертый бархат обложки старого фотоальбома, пожелтевшие от времени фотографии – застывшая хроника жизни. Серьезная девчонка с косичками – школьница Лена; на других снимках дед с бабушкой (эти фотографии Данила помнил – мать показывала их ему, объясняя: «это твои дедушка с бабушкой, они умерли, когда я была маленькой»). А вот целый раздел, посвященный ему: Даня в младенчестве, Даня идет в первый класс, Даня – нескладный подросток с надменным взглядом и волосами до плеч.

Свои детские снимки Данила тоже раньше видел, но только теперь он обратил внимание на кое-что странное, бросившееся в глаза на нескольких фотографиях; нет, в самом младенце не было ничего необычного – ребенок, как ребенок – лысый, упитанный, но вот дом, в котором его фотографировали, очевидно, не являлся вполне обычным. На некоторых фотографиях лысый жизнерадостный Даня, красуясь

на фоне антикварной мебели, изящного камина, уходящей вверх лестницы, предполагающей как минимум наличие в доме второго этажа, выглядел совершенным барчуком. Этот дом мало походил на скромную квартирку, где Данила с матерью провели большую часть жизни. «Интересно, кому он принадлежит, – подумал Данила, – может, каким-то московским знакомым матери?»»

А вот эти материнские фотографии, очевидно из ее «столичного периода» жизни, Данила не видел – мать никогда их не показывала. Данила напрягся – может, здесь он что-то найдет? Вот красивая тоненькая Елена – юная студентка медицинского института: открытый взгляд, милое цветастое платице; здесь она в компании сокурсников, наверное, где-то в больнице, на практике: строгое лицо, белый врачебный халат; вот она в парке ест мороженое, на этом развороте «зимние фотографии»: Лена на катке, на лыжах в парке. А следом в альбоме почему-то идут две пустые страницы, словно бы отсюда убрали фотографии. Данила нетерпеливо перелистнул их: неужели это все?! и тут же увидел, что следующая пара фотографий наполовину обрезана. На снимке осталась только Елена, при этом понятно, что рядом с ней кто-то был, но этого человека стерли, уничтожили, и сделала это, видимо, хозяйка альбома. Данила вздохнул: что же такого совершил тот человек, что мать обошлась с ним подобным образом, – постаралась убить любую память о нем?! Сопоставив некоторые даты, Данила предположил, что изре-

занные фотографии снимали или незадолго до его рождения или немного позже. Больше ничего интересного в альбоме найти не удалось – следующие страницы были посвящены королю-солнцу – «обожаемому Дане»: детсад, школа, юность – вплоть до лета, когда он уехал из родного городка учиться в Москву.

Данила закрыл старый альбом: нет, разгадать семейную тайну не получилось, напротив, тайн, кажется, стало еще больше. Он взглянул на часы: не поздно ли? и набрал телефонный номер соседки.

– Теть Ань, а были у матери еще какие-то альбомы, может быть, старые письма?

– Знаю, что Лена кое-что хранила на даче в Федоровке, – вздохнула тетя Аня, – можешь съездить туда, проверить. Заодно посмотришь материнское наследство. Кстати, о наследстве. Забыла сказать: там у тебя в коридоре лежат ключи от старенькой Лениной машины, машина в гараже, ну ты знаешь.

Данила знал, что мать ездила на выдавшей виды отечественной «ладе», и теперь его больно кольнуло: не мог купить матери нормальную машину, скотина...

– Можешь на машине в Федоровку съездить, только не вздумай ехать на дачу сейчас, на ночь глядя! Там страшная метель, а ехать далеко – завязнешь в лесу, никто не спасет, – предупредила тетя Аня. – Подожди до утра. К тому же дом наверняка выстуженный – надо целый день протапливать.

Данила промышчал что-то утвердительное – да, дескать, подожду до завтра. И, конечно, он ее не послушал; рассудив, что еще одной бессонной ночи в пустой квартире он просто не вынесет, Данила решил ехать на дачу немедленно. Не выветрившийся от недавних посиделок с Володиным хмель, лишь придавал Даниле бесшабашной смелости: в метель, в ночь – что с того?!

Данила открыл гараж, сел за руль старенькой «девятки» и рванул за город.

Метель разбушевалась, зло ощерился ветер; свернув с трассы на проселочную дорогу, Данила почувствовал, как тяжело идет машина. Дорога мало того, что была труднопроходимой, так еще и безлюдной – других водителей на этом свертке Данила не встретил. Над густым лесом висела луна, и этот пейзаж никто не назвал бы добрым. «В такую скотскую погоду с героями непременно случаются всякие напасти, – с иронией подумал Данила, – они сбиваются с пути, попадают в лапы драконов, и гибнут пачками. По всем канонам драматургии со мной сейчас тоже бы приключилась какая-нибудь дрянь. К примеру, что-то могло случиться с машиной...»

А думать, вообще говоря, надо было осторожнее, дабы не накликать беду, потому что не прошло и десяти минут, как машину вдруг закрутило на скользкой дороге. Данила пережил не самые приятные секунды в своей жизни – покрутив, машину вынесло за пределы дороги прямоком в исполинские сугробы. Данила охнул, вмиг утратив недавние ирони-

ческие интонации. Кое-как выбравшись из салона наружу и оценив масштаб проблемы (да тут до утра не откопаешься), он застонал: «ну все, приехали!» Материнская «лада» плотно увязла в снегу, к тому же после очередной попытки Данилы вывезти машину из снежного плена, ее двигатель перестал заводиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.